

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

**СЕРИЯ
«Исторические науки»**

№ 1 (29)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2018**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES
HISTORICAL STUDIES

№ 1 (29)

Published since 2008
Quarterly

Moscow
2018

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**Реморенко И.М.**

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ,

кандидат педагогических наук, доцент,

почетный работник общего образования Российской Федерации
президент ГАОУ ВО МГПУ,**Рябов В.В.**

заместитель председателя

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,**Геворкян Е.Н.**

заместитель председателя

доктор экономических наук, профессор, академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,

доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**Рябов В.В.**

главный редактор

президент МГПУ, заведующий общеуниверситетской кафедрой
всеобщей и российской истории МГПУ,

доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.

заместитель главного редактора

профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской
истории МГПУ,**Андреев И.Л.**

доктор исторических наук, профессор

заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ,

кандидат исторических наук, доцент

Жиряков И.Г.

профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии МГОУ,

доктор исторических наук, профессор

Исааков В.А.профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской
истории МГПУ,

доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.В.

директор Института гуманитарных наук и управления МГПУ,

кандидат исторических наук, профессор

Малышева О.Г.

профессор кафедры отечественной истории МГПУ,

доктор исторических наук, профессор

Орлов А.А.

профессор кафедры новой и новейшей истории МПГУ,

доктор исторических наук, доцент

Ртищева Г.А.доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской
истории МГПУ,

кандидат исторических наук, доцент

Сорокин А.А.

заведующий кафедрой методики преподавания истории,

обществознания и права МГПУ,

кандидат исторических наук, доцент

Токарева Е.А.

доцент кафедры отечественной истории МГПУ,

кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО,

доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской
истории МГПУ,

доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© ГАОУ ВО МГПУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Исаков В.А.</i> Проблемы реконструкции плана Куликовской битвы	8
--	---

Новейшая история России

<i>Юрьев А.И.</i> Борьба различных политических сил по вопросу формирования первого советского правительства (конец октября – начало ноября 1917 года)	17
--	----

Всеобщая история

<i>Сафонова Н.В.</i> Особенности восприятия образов животного мира: от Ветхого Завета до «Физиолога»	24
---	----

<i>Михайловский Ф.А.</i> Римские политические партии периода Поздней республики в оценке отечественной историографии	37
---	----

<i>Ганжа К.Ю.</i> Уинстон Черчилль и создание Совета Европы в условиях начавшегося противостояния Запада и Востока	45
---	----

<i>Лещенко Д.Н.</i> «Национальный фронт» и его место в политической жизни Франции	55
--	----

<i>Тарасова Д.А.</i> Латинская Америка как аrena борьбы между Тайванем и Китаем	65
--	----

<i>Шнейдер В.М.</i> Особенности языковой политики на Украине: концепции и законодательное оформление	74
---	----

Критика. Рецензии. Публицистика. Обзоры

Коваленко С.А., Ткач Г.Ф., Филиппов В.М. Эволюция международных механизмов признания квалификаций: от региональных конвенций — к глобальной..... 83

Агуреев С.А. Рецензия на книгу: Артур Рембо. Путешествие в Абиссинию и Харар. М.: Изд-во книжного магазина «Циолковский», 2018. 152 с. 94

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки».

2018, № 1 (29)..... 98

Требования к оформлению статей 102

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Isakov V.A.* The Problems of Reconstruction
of the Plan of the Kulikovo battle.....8

Modern History of Russia

- Yuriev A.I.* The Struggle of Various Political Forces
for the Formation of the First Soviet Government
(End of October-Beginning of November 1917)17

General History

- Safonova N.V.* Features of Perception of Animalistic Images:
from Old Testament to «Physiologus»24

- Mikhailovsky F.A.* Roman Political Parties of the Period
of the Late Republic in the Evaluation of the Russian
Historiography37

- Ganzha K.Yu.* Winston Churchill and the Creation
of the Council of Europein the Context of the Beginning
of Confrontation between the West and the East.....45

- Leshchenko D.N.* «National Front» and Its Place
in Political Life of France.....55

- Tarasova D.A.* Latin America as the Arena
of the Struggle between Taiwan and China.....65

- Shneider V.M.* Features of the Language Policy in Ukraine:
Concepts and Legislation74

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Kovalenko S.A., Tkach G.F., Filippov V.M.</i> Evolution of International Mechanisms for the Mechanisms for the Recognition of Qualifications: from Regional Conventions to the Global One.....	83
<i>Agureev S.A.</i> Review on the Book: Artur Rimbaud. The Journey to Abyssinia and Harar. M.: Published by the Bookstore «Tsiolkovsky», 2018. 152 p.	94
«MCU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies», 2018, № 1 (29)	98
Style Sheet.....	102

История России: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН до 1917 года

В.А. Исаков

Проблемы реконструкции плана Куликовской битвы

В статье излагается новый взгляд на план Куликовской битвы. Автор считает, что русское командование заранее запланировало отход своих войск в критический момент сражения, когда могла бы возникнуть угроза масштабного прорыва татарских сил в тыл русского построения.

Ключевые слова: Куликовская битва; построение; прорыв; плановое отступление.

Куликовская битва относится к тем историческим событиям, память о которых всегда будет придавать русским людям уверенность в своих силах. Потребность осознать всю глубину подвига предков, вышедших на смертельный бой, побуждает нас вглядываться в ту эпоху, восстанавливая всю цепочку событий. О битве много писали прежде, и в будущем она останется предметом исследований. Вышедший к 600-летию Куликовской битвы сборник литературных произведений «Меж Доном и Непрядвой», как представляется, смог передать трепет, восхищение и преклонение всех о ней писавших. В сборник включены и «Задонщина», и «Сказание о Мамаевом побоище», и «На поле Куликовом» Александра Блока, и многие другие произведения [11: с. 3–266].

Профессиональное изучение Донского побоища характеризуется высокой интенсивностью. «Эта тема всегда привлекала пристальное внимание историков», — писал Л.Г. Бескровный, отмечая также, что «Куликовская битва стояла на первом плане не только в XIV, но и в XV–XVII веках» [1: с. 24]. Библиографические указатели литературы, посвященной Куликовскому сражению, содержат сотни названий [9; 8].

Исследовались и исследуются самые разные составляющие битвы и ее исторического контекста, что помогает в реконструкции конкретных сторон события. Так, например, в фундаментальной монографии «Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы» среди прочих задач

осуществлена реконструкция лесостепных ландшафтов Куликова поля, что позволяет уточнить схемы построения войск и ход битвы [3: с. 93–130], а это важно в том числе и для настоящей статьи. Решению проблемы реконструкции сражения способствуют и другие издания последнего времени, например «Реликвии Донского побоища. Найдки на Куликовом поле» [16: с. 3–83].

Исследовательская проблематика Донского побоища позволяет решать новые задачи, в частности сравнительного плана, или вносить существенные уточнения в сформулированные ранее проблемы. Удачной представляется попытка А.А. Черняева, который сопоставил Куликовскую битву и битву на Косовом поле [18]. Часть работ представляет повтор устоявшейся схемы и не ставит исследовательских задач, но, бесспорно, является востребованной, поскольку предоставляет массовому читателю необходимый объем знаний и способствует воспитанию патриотизма (например: [5]).

Часть работ выходит за хронологические рамки эпохи Донского побоища, но все равно остается привязанной к нему и вызывает немалый интерес, как вышедшее недавно исследование А.В. Лаврентьева, посвященное верховьям Дона [10].

Наконец, следует отметить появление спорных альтернативных версий Куликовской битвы, или отрицающих сам ее факт, или снижающих ее значение, или переносящих события в иные пространства и иные условия. В указателе литературы за 1980–2005 годы эти работы помещены в специальный раздел, как и работы, содержащие критику таких подходов [8: с. 75–78]. Проблематика битвы активно обсуждается, как, например, это было в ходе круглого стола «Споры о русской истории» в редакции «Красной звезды». В дискуссии впервые приняли участие представители различных исторических направлений; обсуждался широкий круг вопросов (История/ Куликовская битва: [сайт], <http://www.mtss.ru>).

Изучение битвы и ее эпохи сопровождается, и это естественно, детализацией проблем, подлежащих разрешению. Но практически все исследователи встречаются с перечнем постоянных вопросов, ответы на которые характеризуются значительным разбросом. В частности, это оценка политики Олега Рязанского, определение числа русских и татарских сил, принявших участие в битве, и потери, ими понесенные.

Позиция Олега Ивановича Рязанского трактуется вплоть до взаимоисключающих оценок. Он и однозначный предатель (его послы были при дворе Мамая и у литовцев, он выдвинул войска к границам своего княжества), и скрытый союзник Дмитрия (предупредил московского князя о приходе татар, а Дмитрий приказал не разорять рязанские земли). Интересные соображения относительно роли Олега содержатся в работе Д.И. Иловайского [6: с. 172–183]. К числу важнейших проблем может быть отнесена и схема расположения войск. Есть утверждения, например академика Б.В. Сапунова, о том, что фронт соприкосновения войск растянулся на 10–12 км (Герой отечества — великий князь московский Дмитрий Иванович Донской: [сайт]. URL: <http://www.sir35.ru>). Эта проблема

непосредственно связана с вопросом о численности сил. Наиболее часто историки называют цифру в 50–70 тысяч русского войска и 90–100 тысяч — татарского [14]. Таким образом, речь идет о полуторном превосходстве татар. Если взять для расчетов среднюю цифру в 60 тысяч русского войска и общепринятые нормы построения (1 квадратный метр на пехотинца и 2 квадратных метра на всадника), то при обычной глубине построения в 20 рядов [2: с. 216, 235] этих сил хватило бы для того, чтобы перекрыть фронт примерно в 1,5–2 км с учетом сил, вошедших в Сторожевой, Передовой, Резервный и Засадный полки, на что могло уйти не менее четверти сил, т. е. 15 тысяч. Оставшиеся 45 тысяч составили основную линию построения, длина которой примерно укладывалась в 2 км, но никак не более при указанной численности войска. Такая линия возможна при построении от изгиба Смолки к средней части Нижнего Дубяка. Другие варианты построения требовали удвоения или утройства русских сил. Для перекрытия фронта в 10 км потребовалось бы 200 тысяч русских воинов без учета Сторожевого, Переднего, Запасного и Засадного полков. Расчеты показывают, что таких возможностей у Руси не было. Убедительные данные Е.А. Разина приводят к выводу о численности русских войск в 50–60 тысяч [15: с. 271–273]. Отсюда вытекает другая фундаментальная проблема. Дмитрий Московский исходил из наступательной стратегии, выйдя за пределы русских земель, разъединив татар с литовцами и, видимо, с рязанцами и стремительным переходом достигнув заранее намеченного места — Куликова поля, тем самым заняв удобную, заранее намеченную позицию. Но построение в удобной для русских войск горловине, нейтрализовавшее численное превосходство татар, исключало для Дмитрия последующие наступательные действия до определенного момента. Иначе открывались бы фланги, чем незамедлительно воспользовались бы татары, имевшие серьезное численное преимущество, особенно в конных порядках. Допустить этого было нельзя. Требовалось разработать соответствующий силам и рельефу местности план сражения. Было очевидно, что центральной задачей в первой части сражения было недопущение прорыва татарских войск сквозь линию русских. Он мог состояться и со стороны противоположной позиции Засадного полка, и тогда прежде, чем он успел бы прибыть к месту прорыва, сюда бы устремились десятки тысяч татар, составлявших задние ряды войска Мамая и практически не участвовавших в битве из-за тесноты. Необходимо было удержать единую линию русских войск и «подставить» врага под удар в конкретный момент и в нужном месте. Поэтому на правом фланге была поставлена именно «кованая рать» опытнейшего воителя Андрея Пороцкого, призванная не допустить прорыва татар.

Основным элементом этого плана, как можно предположить, должно было явиться отступление в решающий момент левого фланга русских войск. В случае стихийного, панического отступления даже вблизи дислоцирования Засадного полка оно превратилось бы в бойню. Второй элемент плана состоял в том, чтобы Засадный полк атаковал, когда все «излишки» татарских сил втянутся за отступающим левым флангом. Отступление должно было «вытянуть»

под удар Засадного полка именно все излишние силы противника, которые сработали бы в финальной стадии битвы как решающий фактор в пользу татар. Очевидно, что людские потери, примерно равные в первой половине битвы, привели бы к резкому численному перевесу татарских сил. Это обстоятельство было просчитано русским командованием заранее, и был разработан адекватный обстоятельствам план сражения. Если бы было принято решение удерживать единую линию фронта до конца, не отступая, командование обрекало бы войско на поражение, так как возможности наступать не было ввиду постоянно нарастающего численного превосходства противника.

Численный перевес татар вынудил русское командование разработать такую стратегию и выбрать такое место сражения, когда этот перевес в течение большей части битвы не мог помочь противнику. Но противостояние в горловине между Смолкой и Нижним Дубяком в какой-то момент в результате колоссальных потерь неизбежно привело бы к двух-, четырехкратному превосходству татар, так как русские войска не восполнялись, если не считать небольшой запасной полк (частный резерв), из которого командование подпитывало самые тяжелые участки, где мог состояться прорыв, и удерживало таким образом единую линию русских войск (третий элемент плана), а татарские — пополнялись масштабно и интенсивно. Более того, усталость русских была значительно выше. Учитывая и это обстоятельство, командование спланировало отступление в решающий, критический момент битвы, когда должно было начать срабатывать подавляющее численное превосходство противника. В момент отступления левого фланга русский центр и правый фланг должны были устоять, иначе получился бы охват. И они устояли. Возможно, что даже рядовые воины были в курсе общей формулы битвы, и это придавало им силы и мужество для сопротивления.

Все эти обстоятельства требовали постоянной координации действий войска. Видимо, Дмитрий не сражался лично, что было бы очень лестно национальному самолюбию, а контролировал ход битвы, имея небольшой резерв, чтобы не дать сорваться плану отхода в нужных для русского войска обстоятельствах, пока сохранялась единая линия русских войск. Весь план сработал. Главное — удалось удержать единую линию войск.

Засадный полк имел своей задачей (четвертый элемент плана) также контролировать тыловое пространство. Скорее всего, левое, где теоретически возможность захода татар в тыл была выше, так как там было больше пространства. На правом же в те времена находилась еще одна сплошная дубрава, не позволявшая осуществить полномасштабный охват. Конное войско в состоянии было с трудом, но все же преодолеть ниже по течению Смолку и зайти в тыл русского построения с левого фланга. Одной паники от этого прорыва было бы достаточно для поражения, тем более что в рядах русской пехоты было много «небывальцев». Вероятно, татары знали о Засадном полке, но, скорее всего, их подвела самонадеянность, и тяжелого обходного маневра

они не предприняли. Это был, возможно, их единственный шанс. Он был упущен. Дмитрию Бобрку в критический момент требовалось удержать от преждевременной атаки молодого нетерпеливого Владимира Андреевича Серпуховского, говорившего ему: «Что пользуеть наше стояние и что паки успех будет, кому имам пособити?» Ответ Боброка соответствовал общему плану: «Да, княже, несть же и пришла година, начинаем бо без времени, себе вред приймем» [13: с. 149], иными словами, для атаки время не пришло.

Засадный полк выждал нужное время (начался отход левого фланга, все свободные силы татар устремились сюда) и всей мощью свежих сил смял наставших на левый фланг и устремившихся в брешь татар, значительную их часть загнав в Непрядву и Дон. Новгородская I летопись младшего извода, одна из самых ранних отзывающихся на победу, повествует об этом моменте почти фотографически: «И погнаша быша от крестиян и ови же от оружия падоша, а ини в реце истопоша, бесчисленое их множество» [1: с. 7]. То, что Мамай хотел сделать с русским войском, было уготовано его воинам. Сумевшие же вырваться татары бросились в сторону Красного холма, и началось их преследование и уничтожение вплоть до Красивой Мечи — притока, впадающего в Дон в 50 километрах от места битвы.

Выбранное для битвы поле идеально соответствовало русскому плану. Дмитрий, настаивая на переправе, знал, как встанут полки. Место было хорошо известно и русским, и татарам, которые нередко делали здесь остановку, направляясь на Русь. Здесь пролегали торговые пути, здесь незадолго до битвы было довольно многочисленное славянское население. Тыл был прикрыт Доном и Непрядвой. Фланги — Смолкой, Нижним Дубяком и тремя дубравами. В итоге глубина русского построения была достаточной для боя в течение нескольких часов. Сознание, что отступать некуда, придавало силы для отчаянной сечи. До Дона и Непрядвы было не более одного километра. Возможно, несколько менее.

Сегодня мы не знаем точно, какой была глубина Смолки, оврагов с правого фланга. Скорее всего, они были, по мнению специалистов, болотистыми по дну и более глубокими [3: с. 13–27]. Но общий рельеф местности был таким же, как и сейчас, за исключением исчезнувших лесных массивов, из которых сохранилась и сейчас восстанавливается часть Зеленой дубравы.

План русского командования учитывал практически всё. Русское построение было осуществлено на достаточно ровной поверхности. Татары таким образом теряли преимущество при разгоне с высоты со стороны Красного холма. Более того, Сторожевой полк сбил скорость первой атаки, приняв на себя ужасающий обстрел из луков, и в итоге выбит был, скорее всего, полностью, героически выполнив свою задачу. Мощный Передовой полк, как рассекатель, принял основной удар, и татары обтекали его на правый и левый фланги, неизбежно предельно уплотняя свои боевые порядки, что сильно затрудняло рукопашную схватку. Дальше битва шла в неимоверной тесноте на взаимное

истребление. И здесь значение приобретала пехота, которую так упорно собирал князь Дмитрий, понимая, что в таких условиях татарская конница теряла свое преимущество. При реализации задуманного плана русские построения не теряли своей мобильности, единой линии и управляемости.

Татары шли побеждать, недаром так долго Мамай собирал силы. В итоге — самонадеянность, упущеные возможности (дали русскому войску спокойно переправиться через Дон, не дождались литовцев, не желая, видимо, делить с ними победу, а желая диктовать им свои условия). Видимо, хотели загнать русские войска в известное им междуречье, как в ловушку, и разом добить их, ожидая к тому же возможной помощи от литовцев на заключительном этапе. Надеялись на превосходство позиций. Их конные массы атаковали бы сверху, с холма, максимально разгоняясь. Но Сторожевой и Передовой полки не дали этому состояться, остановив их до основной линии построения русских войск.

Цель Мамая заключалась в тотальном поражении объединенной русской армии, после чего Русь осталась бы практически беззащитной и должны были вернуться времена Батыя. Поэтому осуществлялось такое долгое собирание сил татарским военачальником для обеспечения однозначного превосходства. Поэтому был разработан такой сложный, многоходовой план русского командования, основной смысл которого был в том, чтобы дать сражение там, где удобно было русским войскам. А это означало также не допустить соединение литовцев, а возможно, и рязанцев с татарами. Кроме того, было выбрано такое построение войск, которое сводило бы на нет превосходство татар в течение нескольких часов. И, наконец, плановое отступление, чтобы поставить под сокрушительный удар Засадного полка «излишки» войска Мамая, которые устремились бы в образовавшуюся брешь.

Филигранный расчет рисунка боя, который был полностью реализован, — свидетельство высокого уровня русского военного искусства. По максимуму учтены были все факторы: моральный (общерусский характер войска, наступательная стратегия, сожжение мостов, возможно, осведомленность простого воинства о плане битвы), дипломатический (Литва, Рязань), географический (битва за пределами княжеств), собственно тактический (построение, место и план битвы, значение пехоты). Победа в Донском бою — сумма правильных выверенных решений, спасших Русь от вторичного порабощения.

По окончании битвы надо было похоронить не только русских воинов, но и татарских. Вероятно, за восемь дней всего было погребено не менее 100 тысяч. Хоронили, скорее всего, русских и татар отдельно. Поэтому следует искать два массива захоронений. Не исключено, что воды Дона и Непрядвы скрывают татарские останки. Но вряд ли есть захоронения татар, которых поsekли при преследовании на протяжении нескольких десятков километров.

При написании статьи автор использовал в основном логический метод, опираясь на общеизвестные факты и результаты исследований. Естественно, многие проблемы остались незатронутыми, а имеющиеся в историографии

ответы недостаточно подтверждаются источниками. В частности, некритично использованы сведения для утверждений о том, что литовцы и рязанцы атаковали возвращавшиеся на Родину русские войска. По сведениям русских летописей, литовцы, узнав о победе Дмитрия, стремительно бежали. Литовский историк Эдвардас Гудовичус же утверждает, что Ягайло, оказавшемуся «на расстоянии дневного перехода от места битвы», «удалось нанести удар по арьергарду уходившего русского войска и захватить обильную добычу, но это был несущественный успех» [4: с. 149; см. также: 17: с. 171]. Зная о сокрушительном поражении татар, Ягайло вряд ли бы решился атаковать победоносное войско Дмитрия. Тем более это касается Олега Рязанского, которому предстояло налаживать отношения с московским князем, ставшим общенациональным лидером. Но это второстепенные проблемы на фоне кардинальных, к числу которых относится и план сражения.

В предложенной схеме битвы возможны некоторые изменения. Теоретически вероятно, и есть сторонники такого решения, что Засадный полк располагался с правого фланга русских войск [12: с. 199–200]. Тогда вся схема должна быть зеркально перестроена, что в принципе не меняет главного предположения: отступление русских было спланировано заранее. В противном случае разгром был неминуем.

Литература

1. Бескровный Л.Г. Историография Куликовской битвы // Куликовская битва: сб. статей. М.: Наука, 1980. С. 6–25.
2. Бескровный Л.Г. Куликовская битва // Куликовская битва: сб. статей. М.: Наука, 1980. С. 214–245.
3. Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времен Куликовской битвы. М.: УноПринт, 2007. 207 с.
4. Гудовичус Э. История Литвы. Т. 1: С древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд имени И.Д. Сытина BALTRUS, 2005. 680 с.
5. Дегтярев А., Дубов И. От Калки до Угры. Л.: Детская литература, 1980. 159 с.
6. Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М.: Кучково поле, 2009. 320 с.
7. Куликово поле. Документы по землевладению XVII века. Тула: Гриф и К, 1999. 240 с.
8. Куликовская битва: указатель литературы. 1980–2005. Тула: Инфа, 2005. 80 с.
9. Куликовская битва 1380: указатель литературы // Куликовская битва: сб. статей. М.: Наука, 1980. С. 289–318.
10. Лаврентьев А.В. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв. М.: Древлехранилище, 2005. 230 с.
11. «Меж Доном и Непрядвой». М.: Современник, 1980. 269 с.
12. Петров А.Е. Куликовская битва // Историческая энциклопедия. Т. 3. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. С. 199–201.
13. Повести о Куликовской битве. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 511 с.
14. Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений. 1238–1598. М.: Международные отношения, 2000. 190 с.

15. Разин Е.А. История военного искусства VI–XVI вв. СПб.: Полигон, 1999. 656 с.
16. Реликвии Донского побоища. Найдены на Куликовом поле. М.: Квадрига, 2008. 209 с.
17. Флоря Б.Н. Литва и Русь перед Куликовской битвой // Куликовская битва: сб. статей. М.: Наука, 1980. С. 142–173.
18. Черняев А.А. Итоги и значение Куликовской и Косовской битв в истории Руси и балканских народов // Вопросы отечественной истории и историографии: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 12. М.: Изд-во МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. С. 141–151.

Literatrusa

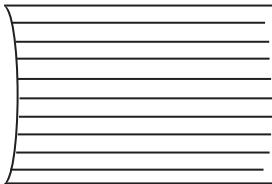
1. *Beskrovny'j L.G. Istorografiya Kulikovskoj bitvy'* // Kulikovskaya bitva: sb. statej. M.: Nauka, 1980. S. 6–25.
2. *Beskrovny'j L.G. Kulikovskaya bitva* // Kulikovskaya bitva: sb. statej. M.: Nauka, 1980. S. 214–245.
3. *Gonyany'j M.I., Alekandrovskij A.L., Glasko M.P. Severnaya lesostep' bassejna Verxnego Dona vremeni Kulikovskoj bitvy'*. M.: Unoprint, 2007. 207 s.
4. *Gudavichus E'. Istorya Litvy'*. T. 1: S drevnejshix vremen do 1569 goda. M.: Fond imeni I.D. Sy'tina BALTRUS, 2005. 680 s.
5. *Degtyarev A., Dubov I. Ot Kalki do Ugry'*. L.: Detskaya literatura, 1980. 159 s.
6. *Ilovajskij D.I. Istorya Ryazanskogo knyazhestva*. M.: Kuchkovo pole, 2009. 320 s.
7. *Kulikovo pole. Dokumenty po zemlevladeniyu XVII veka*. Tula: Grif i K, 1999. 240 s.
8. *Kulikovskaya bitva: ukazatel' literatury'*. 1980–2005. Tula: Infa, 2005. 80 s.
9. *Kulikovskaya bitva 1380: ukazatel' literatury'* // Kulikovskaya bitva: sb. statej. M.: Nauka, 1980. S. 289–318.
10. *Lavrent'ev A.V. Epifan' i Verxnij Don v XII–XVII vv.* M.: Drevlexranilishhe, 2005. 230 s.
11. «Mezh Donom i Nepryadvoj». M.: Sovremennik, 1980. 269 s.
12. *Petrov A.E. Kulikovskaya bitva* // Istoricheskaya e'nciklopediya. T. 3. M.: Bol'shaya rossijskaya e'nciklopediya, 2000. S. 199–201.
13. *Povesti o Kulikovskoj bitve*. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 511 s.
14. *Poxlebkin V.V. Tatars' i Rus'*. 360 let otnoshenij. 1238–1598. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2000. 190 s.
15. *Razin E.A. Istorya voennogo iskusstva VI–XVI vv.* SPb.: Poligon, 1999. 656 s.
16. *Relikvii Donskogo poboishha. Naxodki na Kulikovom pole*. M.: Kvadriga, 2008. 209 s.
17. *Florya B.N. Litva i Rus' pered Kulikovskoj bitvoj* // Kulikovskaya bitva: sb. statej. M.: Nauka, 1980. S. 142–173.
18. *Chernyaev A.A. Itogi i znachenie Kulikovskoj i Kosovskoj bitv v istorii Rusi i balkanskix narodov* // Voprosy' otechestvennoj istorii i istoriografii: mezhvuzovskij sbornik nauchny'x trudov. Vy'p. 12. M.: Izd-vo MGGU im. M.A. Sholoxova, 2009. S. 141–151.

V.A. Isakov

The Problems of Reconstruction of the Plan of the Kulikovo Battle

The article outlines a new look at the plan of the Kulikovo battle. The author believes that the Russian command previously planned the withdrawal of its troops at a critical moment of the battle, when a threat of a large-scale breakthrough of the Tatar forces in the rear of the Russian structure could arise.

Keywords: Kulikovo battle; construction; breakthrough; planned retreat.

Новейшая история России

А.И. Юрьев

Борьба различных политических сил по вопросу формирования первого советского правительства (конец октября – начало ноября 1917 года)

В статье рассматривается ход борьбы различных политических сил по вопросу формирования первого советского правительства в конце октября – начале ноября 1917 года.

Ключевые слова: правительство; Совет народных комиссаров; большевики; эсеры; меньшевики.

Вопрос о создании первого советского правительства рассматривался еще до взятия Зимнего дворца и победы Октябрьской революции, на II съезде Советов, вечером 25 октября 1917 года, где меньшевики и эсеры выступили с предложением избрать делегацию для переговоров со всеми социалистическими партиями об организации единой демократической власти. От имени большевистской фракции полное согласие с этим заявил А.В. Луначарский, а председательствующий на съезде Л.Б. Каменев поставил этот вопрос на голосование. Предложение меньшевиков и эсеров было принято единогласно.

Таким образом, складывалась возможность для создания единого много-партийного демократического правительства. К сожалению, использовать этот возникший исторический шанс не удалось. В ходе завязавшихся прений ряд делегатов съезда высказали в адрес большевиков резкие обвинения в захвате власти, которые не остались без ответа. После этого правые эсеры и меньшевики демонстративно покинули зал заседания, огласив декларацию об осуждении «военного заговора» большевиков, невозможности совместной работы с ними, неправомочности II съезда Советов и необходимости переговоров с Временным правительством для образования власти, опирающейся «на все слои демократии» [6: с. 18].

Воспользовавшись этим, большевики 26 октября сформировали однопартийное правительство, хотя не все члены ЦК были согласны с таким решением. В постановлении об образовании рабочего и крестьянского правительства было, в частности, сказано: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров» [1: с. 28].

Безусловно, это решение вызвало резкое неприятие со стороны эсеров, меньшевиков и других партий. Интересно, что Плеханов, который 28 октября обратился через газету «Единство» с открытым письмом к петроградским рабочим, говорил о печальных последствиях этого факта для страны, «если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или, — того хуже, — одной партией» [8: с. 105–106]. При этом он считал, что «власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка» [8: с. 106].

29 октября с заявлением во ВЦИКе по вопросу о власти выступили представители Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников (Викжель), в составе которого преобладающую роль играли эсеры вместе с меньшевиками, причем эсеры пользовались в этой организации как в центре, так и на местах наиболее сильным влиянием. Викжель являлся весьма важным, имеющим большое значение для страны органом, в непосредственном подчинении которого находился весь железнодорожный транспорт, большой отряд рабочих-железнодорожников.

В заявлении Викжеля, отражавшем точку зрения эсеров и меньшевиков, в частности, говорилось: «В стране нет власти, и идет ожесточенная борьба за власть. Каждая из борющихся сторон стремится создать эту власть силою оружия. Идет братоубийственная война. В то время, как внешний враг угрожает свободе народа, демократия решает свои внутренние споры кровью и железом. Временное правительство, возглавляемое Керенским, оказалось не в силах удержать в своих руках власть. Образовавшийся в Петрограде Совет Народных Комиссаров, как опирающийся только на одну партию, не может встретить признания и опоры во всей стране. Необходимо создать новое правительство, которое пользовалось бы доверием всей демократии и обладало бы моральной силой удержать эту власть в своих руках до созыва Учредительного Собрания. Такую власть можно создать только путем разумного соглашения всей демократии, но никоим образом силою оружия» [7: с. 33–34].

При этом подчеркивалось, что единственным средством достижения мира внутри страны Викжель признает однородное правительство, в создании которого должны принять участие все социалистические партии — от большевиков до народных социалистов включительно, — и формирование «правомочного органа всей демократии» — так называемого Народного совета. ЦИК железнодорожного союза заявил всем гражданам, рабочим, солдатам и крестьянам

о своем непреклонном решении и категорическом требовании немедленно остановить гражданскую войну и сплотиться для образования однородного революционно-социалистического правительства. Викжель заявил, что в противном случае к проведению своего решения он будет стремиться всеми имеющимися у него средствами, вплоть до прекращения всякого движения на дорогах и проведения забастовки. В этот же день при Викжеле началось совещание представителей партий правых эсеров и меньшевиков по вопросу о власти. Как уже отмечалось, их позиция была четко выражена в заявлении Викжеля.

В ходе обсуждения в ЦК партии большевиков отношения к созданию коалиционного советского правительства, наметились две линии. Первая — за блок большевиков с другими социалистическими партиями, в первую очередь с левыми эсерами, которую активно отстаивали Рыков, Ногин, Каменев, Зиновьев, а также некоторые другие. И вторая — за деятельность чисто большевистского правительства.

На заседании III Областной конференции РСДРП (б) Центрального промышленного района, проходившей уже позже, 7–9 декабря 1917 года, Рыков, давая объяснения своей позиции по отношению к формированию советского правительства, отмечал, что для страны необходимо создание блока рабочих и крестьян для организации нового общества. А так как рабочий класс составляет незначительную часть населения, то и партия большевиков представляет интересы только незначительной части населения России. Поэтому нельзя идти на обострение с другими партиями, необходимо соглашение с ними, необходима организация власти из всех партий, входящих в Советы. При этом Рыков подчеркивал, что, поскольку диктатура рабочих не соответствует составу населения России, «следует организовать власть, которая не только силой оружия, но и морально была бы сильна» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 6. Л. 50). А так как Россия — это в основном крестьянская страна, то надо «искать союзников среди крестьянства и чтоб этот блок рос и ширился... Надо, чтобы было схождение всех партий» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 6. Л. 4).

Выступивший на заседании этой же конференции Ногин, также обосновывал необходимость включения в правительство представителей Викжеля, профсоюзов и других организаций, подчеркивая, что при большинстве большевиков в данном органе власти, это могло бы способствовать мирному развитию революции. Иначе, как отмечал он, при данном соотношении сил в стране чисто большевистское правительство «не сможет держаться без исключительного применения террора» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 6. Л. 43).

29 октября заявление Викжеля обсуждалось на заседании ЦК партии большевиков, Ленин на нем отсутствовал. Единогласно было принято решение о том, что «ЦК признает необходимым расширение базы правительства и возможном изменении его состава». Вторым пунктом было также принято предложение: «Правительство создается ЦИК и перед ним ответственно» [7: с. 35].

На основе данной платформы ЦК были начаты переговоры с Викжелем, которые продолжались всю ночь и почти целый день 30 октября. Каменев, выступая от имени ЦИК Советов, выдвинул три «условия соглашения»: «Соглашение возможно и необходимо:

- 1) на почве определенной программы, возвещенной съездом Советов;
- 2) на основе ответственности перед СРС и Кр. Д;

3) в пределах всех партий, входящих в коалицию Советов, т. е. от большевиков до народных социалистов включительно. Правительство должно быть создано ВЦИК и перед ним ответственно. Всякие изменения в составе правительства также должны решаться ВЦИК, являющимся органом, контролирующим правительство и замещающим все посты» [7: с. 35].

Эсеры при обсуждении вопроса о власти предложили: «Правительство должно быть однородным, социалистическим, персонально избранным комиссией, которую выделит настоящее собрание». Выступивший с ответом на это предложение Каменев фактически признал возможным вместо ВЦИК создание предложенного эсерами и меньшевиками Народного совета. Безусловно, это было нарушением постановления ЦК партии большевиков от 29 октября.

1 ноября вопрос о переговорах представителей партий при Викжеле обсуждался на расширенном заседании ЦК РСДРП (б). Большинство во главе с Лениным по существу заняло позицию, которую наиболее четко выразил, судя по протоколу заседания, Троцкий. Выступая первым после доклада Каменева о переговорах на совещании партий, Троцкий сказал, что «из доклада ясно только, как партии, в восстании участия не принимавшие, хотят вырвать власть у тех, кто их сверг. Незачем было устраивать восстание, если мы не получим большинства...» [7: с. 37]. При этом Троцкий однозначно считал, что Советы взять власть по-настоящему могут не в качестве демократической коалиции рабочих и крестьян, представленных разными партиями, а в качестве диктатуры пролетариата, руководимого единой партией и ведущего за собой крестьянские массы, начиная с их полупролетарских слоев [9: с. 253]. Ленин на этом заседании выступал трижды. Раскол большинства и меньшинства по вопросу о правительстве вступил в свою завершающую стадию.

2 ноября на заседании ЦК РСДРП (б) десятью голосами против пяти была принята резолюция, написанная Лениным, где, в частности, говорилось о том, что оппозиция саботирует «начавшуюся диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства», и заявлено: «Центральный Комитет подтверждает, что без измены лозунгу Советской власти нельзя отказываться от чисто большевистского правительства, если большинство II Всероссийского съезда Советов, никого не исключая со съезда, вручило власть этому правительству [2: с. 44–45]. В то же время в резолюции Центральный Комитет подтвердил, «что, не исключая никого со II Всероссийского съезда Советов, он и сейчас вполне готов вернуть ушедших и признать коалицию этих ушедших в пределах Советов, что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят

разделить власти» [2: с. 45]. При этом было однозначно сказано, что «абсолютно ложны утверждения, будто большевистское правительство против коалиции с крестьянами. Напротив, ЦК заявляет, что земельный закон нашего правительства, целиком списанный с эсеровского наказа, доказал на деле полную и искреннейшую готовность большевиков осуществлять коалицию с огромным большинством населения России» [2: с. 45–46].

В этот же день, вечером, состоялось заседание ВЦИК, на котором левые эсеры выступили с декларацией, обвинявшей большевиков в диктаторской политике, и предложили пересмотреть вопрос о платформе соглашения всех социалистических партий. Во время заседания большевистской фракции ВЦИК были приняты поправки к резолюции ЦК РСДРП (б), которые содержали уступки эсерам и меньшевикам. Эта резолюция, предусматривающая продолжение переговоров всех партий о власти, была принята ВЦИК. Ленин на следующий день писал, что «вчера на заседании ЦИК большевистская фракция, при прямом участии членов ЦК из состава меньшинства, открыто голосовала против постановления ЦК (по вопросу о численном и персональном представительстве нашей партии в составе правительства)», характеризуя это, как политику, явно направленную против основной линии большевистской партии [4: с. 48].

3 ноября на очередном заседании совещания партий при Викжеле, меньшевик Мартов и другие потребовали от Совнаркома прекращения арестов, отмены декрета о закрытии «буржуазных» газет. Большевистская делегация ни на какие уступки не согласилась и никакого решения о власти принято не было. В этот же день на заседании Совета народных комиссаров Ленин выступил против всяких соглашений с Викжелем [3]. На следующее заседание согласительной комиссии при Викжеле большевики не пришли.

Опять же 3 ноября Ленин пишет ультиматум большинства ЦК РСДРП (б) меньшинству, приглашает к себе в кабинет каждого члена ЦК поодиночке, знакомит с текстом и предлагает подписать. В этом заявлении он говорил о том, что политика партии большевиков для данного момента определена в резолюции, предложенной товарищем Лениным и принятой ЦК 2 ноября. Резолюция объявила изменой делу пролетариата всякую попытку навязать большевикам уклонение от власти и это является основной линией политики РСДРП (б), вытекающей из ее борьбы против соглашательства, которая составляет сейчас революционную сущность большевизма. Эта линия является безусловно обязательной для всех членов партии, и в первую очередь для меньшинства ЦК. От меньшинства был потребован категорический ответ в письменной форме на вопрос, обязуется ли меньшинство проводить ту политику, которая была сформулирована в принятой ЦК резолюции. Если ответ будет неопределенным, то ЦК обратится к партийным организациям и чрезвычайному партийному съезду с предложениями: либо партия должна поручить сформировать новую власть оппозиции вместе с ее союзниками, либо партия одобрит единственно возможную революционную линию и тогда предложит представителям

оппозиции «перенести свою дезорганизаторскую работу за пределы нашей партийной организации» [4: с. 47–49].

4 ноября Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин объявили о своем выходе из ЦК РСДРП (б). В этот же день, на заседании Совнаркома группа его членов, в которую входили Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Шляпников и некоторые другие, заявили о своем выходе из состава Совета народных комиссаров.

В заявлении, от имени этой группы, с которым выступил народный комиссар торговли и промышленности, председатель Московского совета Ногин, было заявлено: «Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранения чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет народных комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и поэтому слагаем с себя перед ЦК звание народных комиссаров» [7: с. 44].

Через несколько дней ЦК РСДРП (б) принял решение: в связи с несоответствием между линией ЦК и большинства фракции ЦИК отстранить от председательства в ЦИК Каменева. Фракция левых эсеров высказала свое сожаление по этому поводу.

А 7 ноября в газете «Правда» было опубликовано написанное Лениным специальное обращение от ЦК РСДРП (б) «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России». В нем Ленин еще раз подчеркивал: «Второй Всероссийский съезд Советов дал большинство партии большевиков. Только правительство, составленное этой партией, является поэтому Советским правительством» [5: с. 72].

Несколько позже большевики будут все-таки вынуждены включить в состав правительства представителей Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Но левые эсеры выйдут из состава правительства в марте 1918 года в знак протesta против сепаратного Брестского мирного договора, заключенного большевиками с Германией и ее союзниками.

С этого времени на многие десятилетия советское правительство снова станет только однопартийным.

Литература

1. Ленин В.И. Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 28–29.

2. *Ленин В.И.* Резолюция ЦК РСДРП (б) по вопросу об оппозиции внутри ЦК 2 (15) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 44–46.
3. *Ленин В.И.* Выступление на заседании СНК 3 (16) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 50.
4. *Ленин В.И.* Ультиматум большинства ЦК РСДРП (б) меньшинству // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 47–49.
5. *Ленин В.И.* От Центрального Комитета Российской социал-демократической партии (большевиков). Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 72–76.
6. Первое Советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918 / под ред. А.П. Ненарокова. М.: Политиздат, 1991. 461 с.
7. Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель / сост. В.А. Иванов. М.: Политиздат, 1989. 494 с.
8. *Плеханов Г.В.* Открытое письмо к петроградским рабочим // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 102–106.
9. *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.

Literatura

1. *Lenin V.I.* Postanovlenie ob obrazovanii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. M.: Politizdat, 1974. T. 35. S. 28–29.
2. *Lenin V.I.* Rezolyuciya CK RSDRP (b) po voprosu ob oppozicii vnutri CK 2 (15) noyabrya 1917 g. // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 35. M.: Politizdat, 1974. S. 44–46.
3. *Lenin V.I.* Vy'stuplenie na zasedanii SNK 3 (16) noyabrya 1917 g. // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 35. M.: Politizdat, 1974. S. 50.
4. *Lenin V.I.* Ul'timatum bol'shinstva CK RSDRP (b) men'shinstvu // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 35. M.: Politizdat, 1974. S. 47–49.
5. *Lenin V.I.* Ot Central'nogo Komiteta Rossijskoj social-demokraticeskoj partii (bol'shevиков). Ko vsem chlenam partii i ko vsem trudyashchimsya klassam Rossii // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 35. M.: Politizdat, 1974. S. 72–76.
6. Pervoe Sovetskoe pravitel'stvo. Oktyabr' 1917 – iyul' 1918 / pod red. A.P. Nenarokova. M.: Politizdat, 1991. 461 s.
7. Perepiska na istoricheskie temy': Dialog vedet chitatel' / sost. V.A. Ivanov. M.: Politizdat, 1989. 494 s.
8. *Plexhanov G.V.* Otkry'toe pis'mo k petrogradskim rabochim // Voprosy istorii. 1989. № 12. S. 102–106.
9. *Troczkij L.D.* K istorii russkoj revolyucii. M.: Politizdat, 1990. 447 s.

A.I. Yuriev

The Struggle of Various Political Forces for the Formation of the First Soviet Government (End of October – Beginning of November 1917)

The article considers the course of struggle of various political forces for the formation of the first Soviet government in late October – early November 1917.

Keywords: government; the Council of people's commissars; the Bolsheviks; the socialist-revolutionaries; the Mensheviks.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Н.В. Сафонова

Особенности восприятия образов животного мира: от Ветхого Завета до «Физиолога»

Автор анализирует образы животного мира в ветхозаветной и раннехристианской литературе с целью выявления процесса сложения уникальных образов и сюжетовalexандрийского «Физиолога», а также их отличительных особенностей от предшествующих традиций.

Ключевые слова: alexандрийский «Физиолог»; сюжеты о животных; раннехристианская литература; Отцы Церкви; апокрифы; греко-римская литература.

О тносящийся к христианской традиции оригинальный памятник III века «Физиолог» состоит из 48 (реже 49) глав, большинство из которых представляют собой короткие истории о животных, повествующие о персонажах и событиях Священной истории. При этом животные сравниваются с фигурами Иисуса Христа, Девы Марии, дьявола и Святого Духа. Подобное явление было и есть крайне необычно для христианской среды.

Сюжеты, а также характерные черты персонажей часто заимствуются из греко-римской литературы, например из произведений Аристотеля, Элиана, Плутарха и других авторов¹, но в такой компоновке и редакции, которая наилучшим образом подходит для целей и задач автора, или авторов, «Физиолога». Чтобы понять авторскую задумку и причину, по которой он выбрал именно животных и именно эти сюжеты для демонстрации христианских идей, имеет смысл просмотреть и проанализировать ту роль, которую животные играли в библейских текстах: от Ветхого Завета до новозаветных апокрифов, а также в греко-римской литературе.

¹ Имеются в виду такие произведения античных авторов, как: «История животных» Аристотеля, «Застольные беседы» Плутарха, «Пестрые рассказы» и «О природе животных» Элиана, «О псовой охоте» и «О рыбной ловле» Аппиана, «Метаморфозы» Апулея, «О природе вещей» Лукреция, «Естественная история» Плиния и другие.

Животные в греко-римской литературе

Интерес к детальному описанию повадок животных возник в позднее время, а именно — в эпоху Империи. Многие авторы, такие как, например, Плиний Старший, Аппиан, Элиан оставили свои труды, посвященные реальным и вымышленным повадкам животных. Животным в своих трудах они приписывали человеческие характеристики, и даже такое качество, как уважение к богам.

Интерес к взаимоотношениям человека и животного наблюдался еще со времен Гесиода, но особое освещение эта тема все же получила в более позднее время. Стоит отметить, что в I в. до н. э. распространилась пифагорейская доктрина с призывами к вегетарианству, что спровоцировало еще больше разговоров о связях человека и животного. К тому же в это время была вновь открыта и распространена «История животных» Аристотеля. Эти факторы были в числе тех предпосылок, которые вызвали знаменитый спор между стоиками и платониками о разумной природе животных. Стоики отказывали животным в разуме, считая, что они также не способны чувствовать, испытывать любовь и сопереживать.

Соответственно, их противники — платоники — доказывали обратное: животные обладают памятью, могут чувствовать и любить своих партнеров и, более того, обладают разумной природой. Основное отличие людей от животных, по платоникам, состоит в том, что люди способны обучаться, а образование позволяет им преодолеть «животные» черты.

В качестве аргументов за и против приводились одни и те же примеры поведения животных, часто имеющие форму занимательной истории, но из них делались различные выводы в зависимости от задачи автора. Эти зоологические нарративы, описывающие повадки животных и их природу, чаще всего носили характер естественнонаучных текстов, заимствуя свою форму из «Истории животных» Аристотеля. Но их содержание дополнялось забавными фактами, противоречивыми характеристиками поведения и, часто, приписыванием фантастических черт. В итоге животные становились в них обладателями вполне антропоморфных характеров. Как, к примеру, в следующем отрывке о Льве из Плиния Старшего:

«VIII.16.43. Лев узнает об измене львицы с леопардом по (сохраняющемуся у нее) запаху последнего и со всей силой наказывает свою подругу; чтобы избежать этого, львица смывает свой позор в реке или сопровождает льва на некотором расстоянии».

«VIII.18.46. Пьют они мало, едят через день, а наевшись вволю, иногда не прикасаются к пище в течение трех дней. Они заглатывают целиком то, что могли бы разжевать, а когда их желудок оказывается не в состоянии вместить съеденное ими от жадности, они засовывают когти себе в глотку и вытаскивают все, что проглотили, так что если им надо вдруг бежать, переедание им не мешает» [7].

Подобные истории стали очень распространенными в позднюю Античность в виде вставок в прозаические художественные произведения, например,

такие эпизоды можно встретить у Филострата, Гелиодора, Лукиана, Ахилла Татия — авторов II–III веков н. э². Здесь эти эпизоды использовались для характеристики главных персонажей произведения или как способ намекнуть о будущем героев (что также связано и с практикой гадания по животным), или же просто как назидательное отступление.

Возможно, по причине такого специфического, антропоморфного отношения к животным были так популярны и распространены жанр басни и использование образов животных в нарративах с назидательным характером.

На традицию складывания представлений о характеристиках зооморфных персонажей и их связи с человеком повлияла также греческая традиция метафорически связывать определенные желания и страсти с определенными животными. Так, у Платона есть образ человеческой души в виде многоликого и многоголового зверя, «лики которого — домашних и диких зверей — расположены у него кругом, он может их изменять и производить все это из самого себя» [6]. Причем в человеке объединяются два образа: льва и собственно человеческий: когда душа ведет себя безнравственно, то зверь крепнет и наоборот. Мотив борьбы со страстями как приручение внутреннего зверя был популярен в Античности.

Таким образом, в греко-римской литературе и философии интерес к животному миру был высоким в различных контекстах, но, в общем, несмотря на порой явное преобладание фантастических черт у животных, они часто мыслились в тесной связи с людьми и им, соответственно, приписывались человеческие качества, однако при этом их природа не перекраивалась и даже бестиарные метафоры основывались на реальных характеристиках животных³.

Животные в Ветхом Завете

Различные представители животного мира постоянно встречаются в Библии и «околохристианской» литературе. Причем контексты употребления анималистических образов различны, как и отношение к самим животным. Но даже при беглом анализе видно, как менялось это отношение во времени — от ветхозаветной до раннехристианской литературы.

В целом в Библии упоминается около 160 различных видов животных. В Ветхом Завете они, как правило, встречаются в трех контекстах: 1) творения — в книге Бытия; 2) в законах об определении чистых и нечистых животных; 3) в сравнениях и метафорах, а также для демонстрации Божественной воли.

В книге Бытия животные распределяются по условным группам по каждому дню творения: птицы небесные, морские животные, скот, звери земные

² Например, такие известные художественные произведения, как: «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата, «Эфиопика» Гелиодора, «Левкиппа и Клитофонт» Ахилла Татия.

³ Подобное отношение, несомненно, можно связать еще с архаическими представлениями и фольклорной традицией, из которой собственно и выросла литература. Из литературы заимствовали свои образы философы.

и гады пресмыкающиеся (Быт. 1: 20–26). Как видим, речь здесь идет о реально существующих животных как части природного мира, созданного Богом вместе с человеком и для него. Разделение на «чистых» и «нечистых» животных — это широкая классификационная схема, которая входит в систему обязательных предписаний для еврейского народа: только чистых животных израильтяне могут употреблять в пищу и приносить в жертву. Это разделение также было учтено при отборе животных для Ноева ковчега: было взято по семь особей от каждого чистого рода и по две от каждого нечистого (Быт. 7: 2).

Наконец, использование образов животных для демонстрации Божественной воли наиболее интересно для нас. В качестве кары Господней и передачи Его воли выступают такие животные, как змеи (в десяти казнях египетских: наказание Израиля ядовитыми змеями (Числ: 21)), львы в наказании самаритян и в неудавшейся казни Даниила выполняют волю Бога ослица Валаама и др.

В пророчествах животные играют активную роль, являясь либо персонажами повествования, либо будучи вплетены в канву сюжета. Например, в книге пророка Даниила львы не нападают на него во время казни через растерзание, а во время служения Навуходоносору Даниил побеждает дракона, таким образом демонстрируя, что не следует поклоняться ни живым идолам, ни сделанным из материи. Отдельное внимание заслуживают говорящие животные: уже упомянутая ослица и змей, соблазнивший Еву, а также животные пророчеств и мифические (в Апокалипсисе — Дракон, бегемот, Единорог; Левиафан из книги Иова).

Образы с зооморфными чертами можно условно назвать фантастическими, как например, Тетраморф из пророчества Иезекииля, состоящий из четырех животных. Пророк описывает его следующим образом: «...облик их был, как у человека; и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла; а ноги их — ноги прямые, и ступни ног их — как ступня ноги у тельца, и сверкали, как блестящая медь. И руки человеческие были под крыльями их, на четырех сторонах их... Подобие лиц их — лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех. И лица их и крылья их сверху были разделены, но у каждого два крыла соприкасались одно к другому, а два покрывали тела их» (Иез. 1: 5–11).

Эти четыре животных с четырьмя лицами были запряжены в колесницу Меркава⁴, ставшую потом объектом многочисленных мистических спекуляций.

Отдельного внимания заслуживают ветхозаветные апокрифы. Например, в апокрифе «Видение Варуха» есть главы с описанием птицы феникс, большого змея, который держит все земные и небесные реки, и других практически

⁴ Гершом Шолем дает такое объяснение этому видению: уже в период Второго храма в кругах фарисеев преподавалось эзотерическое учение, включавшее в себя первую главу книги Иезекииля с его видением Божьего престола — колесницы (Меркавы). Известно, что это место было излюбленным предметом рассмотрения и толкования, а данные животные и другие объекты видения Иезекииля мыслились как ангелы, образующие свою иерархию при Небесном дворе.

мифологических персонажей. Приведем описание птицы Феникс: «И сказал мне ангел: “Птица эта летит вместе с солнцем и, раскинув крылья, принимает лучи его, которые подобны языкам пламени. И если бы не принимала она их, не уцелел бы род человеческий, и вообще ничто живое, но приставил Бог эту птицу”. И раскинула она крылья свои, и увидел я на правом крыле ее буквы весьма великие, каждая словно гумно, величиной около четырех тысяч модиев, и были те буквы золотые» (6: 6–7).

Можно сказать, что перед нами развертывается космогоническая картина: «мифологические ассоциации вызывает детально прорисованный в апокрифе образ чудесной сказочной птицы Феникс, которая выступает спутницей Солнца, покровительницей мира и, вместе с зависящими от нее земными петухами, является провозвестницей света» [5]. Здесь, безусловно, нашли свои отражения еще добиблейские мифологические представления евреев.

Итак, в книгах Ветхого Завета мы видим животных по большей части все-таки реальных, являющихся частью хозяйства человека, где на них распространяются законы по правильной организации жизни человека и всей общины в целом. Кроме того, помимо образов животных в сравнениях и метафорах встречаются образы животных, через которых Бог творит свою волю, т. е. они выступают посредниками между людьми и Божеством. В иудейской традиции анималистические персонажи, оторванные от реальных прототипов и переходящие затем в разряд образов и символов, действуют в рамках видений и пророчеств.

Животные в библейской литературе

В Новом Завете находит свое подтверждение изначальное разделение животных на виды: «...Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело. Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц» (1 Кор. 15: 38–39). Таким образом, каждое «семя» обладает «телом», полученным от Бога, которое позволяет ему воспроизводить свой и только свой род. Такая форма поведения, однажды предписанная Богом первым растениям и животным, осталась по сути неизменной до наших дней. Однако в новозаветном миропорядке различие между чистым и нечистым было упразднено во всем, что касалось диетических запретов (Деян. 10: 9–16; 1 Тим. 4: 3–5), а жертвоприношения с кровопролитием были упразднены вовсе.

В раннехристианской литературе тексты Ветхого Завета в целом, и в том числе эпизоды с участием животных, подвергаются распространившейся в первые века экзегетической интерпретации. Началось все еще с иудейского автора, первого из интерпретаторов Ветхого Завета — Филона Александрийского, который говорил о том, что запрет на употребление в пищу нечистых животных на самом деле обусловлен злой или же, напротив, доброй их природой [10]. Затем Варнава в одной из своих гомилий по-другому представил данное предписание, сделав из него вывод, связанный с людьми: те, кто едят нечистых животных, уподобляются тем, кто украл еду, а не честно на нее заработал [9].

Как правило, у раннехристианских авторов в экзегетике сюжеты с животными начинают выполнять назидательную функцию, а также доказывать новозаветные события (например, распространенное утверждение, что евреи вообще неправильно поняли все тот же закон о чистых и нечистых животных, следовав ему буквально). Практика аллегорической интерпретации образов животных достигает своего зенита в Александрии к концу II века вместе со всей местной богословской школой.

Один из Отцов Церкви — Ориген — представительalexандрийской школы — известен своими аллегорическими интерпретациями Ветхого Завета: он даже насмехался над теми, кто понимает его дословно, но при этом ему самому не чужда была и буквальная интерпретация, если она уместна. Так, он использует образ девственной птицы грифа для доказательства непорочного зачатия: «Грекам, которые не верят в девственное рождество Христа, я скажу о том, что Творец показал рождение некоторых животных, и что если он мог такое сделать с животными, то мог и с людьми. Среди животных есть некоторые явно женские, которые рождают без участия мужских особей, как писатели свидетельствуют о грифах. Это животное продолжает род без соития» (Cels. 1. 37) [15].

Включаются богословы и в спор о разумной природе животных. Климент Римский поддерживал и использовал аргументы стоиков об изначальной разумности животных⁵, чтобы показать, что человек и животное одинаково облагодетельствованы дарами Бога, что для понимающих людей является показателем Божественной гармонии в мире. Так, например, Климент пересказывает сюжет о фениксе, который до этого примерно в той же редакции упоминается такими авторами, как Плиний, Овидий, Элиан, Геродот, Сенека. Но у Климента феникс уже выступает свидетельством воскрешения Христа. Причем он продолжает оставаться свидетельством воскрешения и обновления природного мира, но при этом через данное животное Бог демонстрирует «величие своего обещания» о грядущем воскресении (гл. 25) [4].

Отношение к фениксу, как замечает Роберт Грант, разнится среди самих отцов патристики и современных им авторов: Кирилл Иерусалимский, Тертуллиан и Эпифаний просто упоминают птицу, Цельс приводит ее образ как аргумент против антропоцентристических взглядов христиан, основываясь на чувствах феникса к родителю, а Ориген не использует его в контексте воскрешения Иисуса Христа, но лишь как повод для восхищения созданного Богом мира и его обитателей.

Юстиниан Мученик также обращается к образам животных из Ветхого Завета, чтобы провести аллегорию с новозаветной историей. Так, о сюжете с единорогом из Второзакона он пишет как о прообразе креста [12].

⁵ Климент практически дословно пересказал Плиния, но в отличие от философии стоиков, где каждое явление манифестировало величие пантеистического бога, который в нем отражался и в то же время постоянно его творил, у христиан мир появился сразу в результате Божественной воли. У стоиков антропоцентричный взгляд на Творение, а у христиан — теоцентричный, но при этом и те и другие убеждены, что человек находится над животными.

Афинагор Афинский вносит еще один аргумент в различие природы животной и человеческой, который заключается в том, что человек воскресает после смерти для жизни вечной и в этом его главное отличие от животного. Именно поэтому Афинагор выказывал презрительное отношение к животным, которое разделял и Тациан. Ориген также отрицает разумность отдельного животного и подвергает сомнению тот факт, что они способны к общению между собой (к примеру: никакого языка птиц не существует) [12].

Тертуллиан же, напротив, защищал животных, подчеркивая их подчиненность Божественному замыслу, а следовательно, их функцию свидетельствовать о величии Творца. Трудность, с которой сталкивался Тертуллиан, заключалась в том, что, с одной стороны, ему нужно было показать, что животные неразумны, а с другой — что они обладают позитивной природой, как и всё в этом мире, сделанное Творцом. Необходимость продемонстрировать позитивность была связана с тем, что ранним христианам нужно было четко артикулировать свое отличие от гностиков, которые, как, например, Валентин и Маркион, толковали ветхозаветного Бога как Демиурга, создавшего злой материальный мир, частью которого выступали и животные.

Как на Западе, так и на Востоке дискуссии о животных в патристике не утихали в течение V–VII веков. При этом Отцы Церкви часто вступали в яростную конфронтацию с философами, аскетами и гностиками, доказывая позитивность Творения. Крайне негативное отношение к окружающему миру как творению Демиурга, а также к собственному телу проявилось не только в работах гностиков, но и «проаскетично» настроенных философов и теологов. При этом у них сложилось и специфическое отношение к животным, с которыми связывались половые инстинкты и такие пороки, как чревоугодие. Возвращаясь к Клименту Александрийскому, стоит также отметить, что он один из первых выводит зависимость между неразумной природой животных и греховной природой человека: до грехопадения Адам и Ева обладали безгрешной, т. е. не-животной, природой, а животная — греховная — не была изначально задумана Отцом и связана со смертью. Грехопадение первых людей стало напрямую связываться сексом. Ева была соблазнена змеем, представляющим животный мир и его порочность, и через секс стала греховной и смертной. Особенно негативное отношение было к сексу, не предполагающему деторождения. Так, Климент выказывает свое презрение к таким животным, как заяц и гиена, так как они могут совокупляться без цели рождения потомства. Этим фактом он объясняет их включение в классификацию «нечистой» природы во Второзаконии.

Только христианин может вновь стать истинным Человеком, ибо через Логос, который есть Христос, он может вновь приручить всех животных и обуздать свою греховную природу. В «Педагоге» Климент пишет, что человек меняется через Слово, обуздывает свою неразумную животную природу (1. 13) [3]. Особенно это проявилось в монашеской традиции, где человек при определенной степени святости может вернуть себе власть над животными. Поэтому отношения монаха Антония с животными не только дружеские, но они подчиняются ему, как

Адаму в раю. Так понимается гармоничное сосуществование и единение истинного христианина с природой.

Афанасий Александрийский, один из восточных Отцов Церкви IV века, пишет, что животные являются любимой формой для вместилища демонов, в образе которых они атакуют пустынных монахов. Ориген связывает определенный род демонов с определенными животными. Интересно, что все животные, кроме быка, которых он перечисляет в данном контексте, — нечистые. При этом Ориген категорически отрицает возможность понимания зверьми воли Бога: если животные выступают как предвестники какого-то события, то это значит, что они вошли в контакт с демонами. Через них бесы начинают прельщать людей, чтобы вместо Господа они изучали животных, — именно этим Ориген объясняет неправильное, т. е. буквальное, понимание законов Моисея о чистых и нечистых животных в книге Левит (гл. 11).

Итак, образы животных встречаются в раннехристианской литературе в различных контекстах: это и теологические споры, и аллегорические интерпретации ветхозаветных эпизодов; их приводят в качестве аллегории греховной природы человека или образца Творения, как правило, чтобы подчеркнуть его величие или грандиозность замысла Бога о человеке. Образы животных используются Церковью и для того, чтобы христианину было легче мыслить себя в рамках природного мира, т. е. определить свое место в нем.

Особенно ярко эта последняя особенность отразилась в апокрифической литературе, авторов которой занимали вопросы о том, как христианин может определить себя по отношению к Творению, к миру и к другим тварям.

Животные в апокрифической литературе

Интересно, что животные в апокрифах в основном изображаются позитивно, но при этом все негативные качества, страсти и пороки человека ассоциируются именно с животной природой. Таким образом, мы видим схожее их понимание как в раннехристианской литературе, так и в большинстве апокрифических и еретических текстов из корпуса Наг Хаммади, где, как пишет Гильхюс, «животные символизируют зло биологической жизни и глубину человеческой испорченности» [11].

В «Поучениях Сильвана» духовная и разумная жизнь противопоставляется жизни такого человека, который не хранит себя от страстей и становится, как город, наполненный дикими животными, а мысли которого есть не хорошие, но злые и дикие звери [9]. В «Деяниях Петра и двенадцати апостолов» человека, который волнуется только о своих физических нуждах одолевают животные страсти: «того, кто беспокоится о мясе и зеленых овощах, того львы съедят из-за мяса. Если он избежит львов, быки пожрут его из-за зеленых овощей» [1]. Климент Александрийский говорит о последователях Василиса: они рассматривают человеческие страсти как нечто относящееся к душе человека, и страсти эти могут принимать форму разнообразных животных, включая льва, обезьяну, волка и козу, в зависимости от наклонностей человека (2. 20. 112 (1)) [3].

В монографии, посвященной интерпретации таинственной логии Евангелия от Матфея, где лев становится человеком, Говард Джексон делает вывод, что «лев выступает символом сексуального желания для гностических аскетиков, что соответствует принятой традиции, в которой звери использовались как метафоры страстей» [13]. Как мы уже говорили, данная традиция берет свое начало у Платона из образного представления о душе в IX книге «Государства». Важность «Государства» для гностических авторов подтверждается и включением адаптации этого текста в коптский перевод, в Кодекс 6 из библиотеки Наг Хаммади (588b–589b). Если в оригинале Платона «лев» как часть души человека мог быть укрощен путем усмирения своей природы, то в коптской версии такая возможность не освещается. Джексон делает вывод: «ни один аскетик не может заключить договора между собой и диким львом, т. е. ни с гневом, ни с похотью, ни с какой-либо другой страстью» [13]. Джексон связывает такое понимание животного с описаниями библейского демиурга. Этот злобный демиург — бог: он часто представляется теоморфным, как например, леонтоморфный Ялдабаот из апокрифа Иоанна. Согласно Джексону, этот леонтоморфный демиург — продукт многих течений позднеантичной мысли — включает в себя представление о «внутреннем льве» Платона, а также астрологические, зоологические и иконографические ассоциации со львом как «храбрым» персонажем, в том числе иудейским львом — Яхве.

Различные виды животных упоминаются около тридцати раз во всех пяти апокрифах, написанных от лица апостолов Петра, Андрея, Иоанна, Павла и Фомы.

Как пишет британская исследовательница Дж. Спиттлер, роль животных в апокрифах сводится к следующему: они были нужны для развития сюжета, его смысла, а также чтобы сформулировать, а затем изучить философские и теологические проблемы. Авторы апокрифов сочетали и объединяли различные библейские традиции и историческую информацию. Образы животных в основном служили для характеристики героев и злодеев, чтобы предвидеть события и намекать на дальнейшее развитие сюжета, т. е. выступали в традиционном, характерном для II века, контексте нарративной прозы. Сюжеты часто заимствовались из популярной греко-римской «зоологической» литературы.

Таким образом, в разных традициях признавалось, что животное и человек находятся в тесной связи друг с другом, имеют много общих характеристик. Но при этом схожие черты человека и животного в гностической и христианской традиции рассматривались как недостаток человеческой природы, признак ее греховности.

В раннехристианской традиции мы видим разнообразные способы использования зооморфных образов. Они видоизменялись во времени, отвечая духу и все больше переходя через традицию экзегезы в символические образы. В итоге как в иудаизме, так и в христианстве устойчивый набор символов значений закрепился за животными пророчеств, а также за львом, единорогом, орлом и др.

«Физиолог»

Скорее всего, появление в «Физиологе» такого смелого типологического и аллегорического сравнения животных с самим Богом стало возможным, поскольку они рассматривались автором исключительно в символическом ключе. Интересно, что сама структура каждой главы «Физиолога» вполне соответствует духу времени: автор помещает описание животных и их аллегорическую интерпретацию между цитатами из Ветхого и Нового Заветов, т. е. животное «находится между двумя традициями Священного Писания». Такую структуру можно понимать и как метафорическое представление о мире, где божественный и человеческий миры соотносятся друг с другом через мир животных, что также соответствует вышеупомянутой традиции представления животных посредниками между Богом и человеком как средства для выражения Его воли.

Хотя «Физиолог» вырос на базе нескольких культурных традиций — греко-римской и иудео-христианской, — он тем не менее сильно отличается от всего, что было создано раньше. С одной стороны, мы видим использование характерного для раннехристианской литературы аллегорического метода, но сама форма и жанр произведения, а также содержание многих сюжетов заимствуется из греко-римской прозы. При этом важной особенностью является то, что интерпретации в нем подлежат не ветхозаветные образы, а исключительно сюжеты из светской, так называемой зоологической (псевдозоологической) литературы.

Другой отличительной особенностью является то, что с животными в «Физиологе» сравниваются не только главные христианские темы, пороки и добродетели, но сам Христос, Дева Мария, Отец Бог и Святой Дух. При этом мы видим именно чистое сравнение, а не олицетворение, хотя его примеры в это время уже существовали: голубь — Дух Святой, агнец — Иисус Христос. О том, что в «Физиологе» перед нами только сравнение, говорит сам автор, как например, в главе о ночном вороне: «Но скажешь мне, что ночной ворон нечист по закону и как сравнить его со Спасителем?» — или о птице фениксе: «Феникс уподобляется Спасителю нашему». Подобное сравнение без подмены говорит о том, что для создателя «Физиолога» важнее было провести параллели между темами, чем между конкретными персонажами, потому он и видоизменяет известные современникам истории о животных в угоду общему, т. е. христианскому смыслу.

Приведем еще один пример — главу о льве. В ней сравнение льва, его повадок и качеств происходит со следующими темами: 1) Спас мысленный, 2) Скрытая божественность, 3) Слово воплощенное, 4) Царь Славы, 5) Бог-Отец, 6) Сын, 7) Воскресение. Здесь мы видим частый прием, который использует автор «Физиолога», а именно сочетание нескольких тем одновременно в одной главе. Так, в одном сюжете часто прослеживается теологическая тема и, например, борьба порока и добродетели.

Темы, которые чаще всего затрагиваются в «Физиологе» (по манускрипту G), — это этапы Священной истории, а именно: Воплощение (четыре раза), Страсты (шесть раз), Воскресение (шесть раз), Троица (два раза), Искушение

греха (восемь раз), Крещение (четыре раза), Тайна девства в контексте негативного, проаскетичного отношения к процессу воспроизведения рода (девять раз) [16].

Итак, мы видим, что сюжеты с животными в большей степени иллюстрируют богословские понятия и события Священной истории, т. е. превращаются в гораздо более сложные типологические системы, где доступная восприятию образная картина передает сложное понятие. Таким образом, эти знакомые и узнаваемые по форме сюжеты начинают переходить в знаковую систему христианских символов, чтобы потом превратиться во всеми узнаваемые бестиарные образы, совершенно не связанные с реальной природой, но с миром духовным. Использовать для этой цели сюжеты из греко-римской литературы было автору удобнее, чем, к примеру, из мифологической традиции. Показательно, что сюжет о фениксе, существующий в ветхозаветной апокрифической традиции автором не используется ввиду его сложности и многочисленных мифологических аллюзий. При этом перед нами не просто иллюстрация величия Творения, представленная через историю животных, что мы видели раньше у раннехристианских авторов, но попытка осмыслить богословские понятия через форму аллегорических сравнений и типологий.

«Физиолог» не может повествовать о настоящих повадках животных и их характерах, он говорит образами, которые служат иллюстрацией Божественной истины. Здесь уместно провести параллель с изобразительным раннехристианским искусством, когда делается шаг от реалистического изображения в сторону условного, через которое возможно выразить внутреннюю жизнь персонажа, и где внешне правдивая форма жертвуется для выражения духовного содержания. «Физиолог» замечателен здесь тем, что этот принцип былложен в основу произведения не развлекательного, но тем не менее предназначенного для широкой аудитории.

Таким образом,alexандрийский «Физиолог» — это уникальный памятник, возникший на пересечении многочисленных традиций. Мы видим применение экзегетических методов alexандрийской богословской школы к образам светской литературы. Через сюжеты с участием животных здесь иллюстрируются различные положения христианского вероучения, демонстрируя, как повадки и поведение животных отражают богословские темы и Священную историю.

В дальнейшем традиция «Физиолога» повлияла не только на бестиарии, но и на образную систему в других религиозных течениях. Главное, что привнесла эта традиция, было появление усложненных образов в символике животных. Так, например, в позднеантичной еврейской традиции начинает активно использоваться и применяться в иконографии толкование знаков зодиака через типологическое сравнение с событиями и персонажами Священной истории Ветхого Завета, где Овен связывается с жертвой Авраама, Рыбы — с Яковом и Исаией, а Лев, соответственно, соотносится с месяцем разрушения Храма (июль – август), так как само это животное символически ассоциируется с Иерусалимом и его Храмом.

Литература

1. Апокрифические Деяния Петра (NHC VI.1 и BG 4) / пер. А.Л. Хосроева // Мир Востока. Вып. 1. СПб.: Восточный университет, 1998. С. 5–16.
2. Климент Александрийский. Педагог | Творение учителя Церкви Климента Александрийского / пер. Н.Н. Корсунского. М.: Уч.-инф. экуменический центр ап. Павла, 1996 // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/pedagog/
3. Климент Александрийский. Строматы / пер. Е.В. Афонасиной. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003 // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/stromaty/
4. Климент Римский. Первые послания к коринфянам // Писания мужей апостольских / пер. П. Преображенского. Рига: Латвийское Библейское общество, 2008. С. 95–148; 395–399.
5. Мильков В.В., Смольникова Л.Н. Откровение Варуха / подгот. древнерусского текста, вводная ст., коммент. // Мильков В.В. Древнерусские апокрифы / ред. Р.А. Симонов. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. 896 с. (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 1). С. 476–487, 493–498.
6. Платон. Государство / под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуся. Т. 3. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 97–495.
7. Плиний Старший. Естественная история. Книга 8: пер. с лат. И.Ю. Шабага // Труды кафедры древних языков. Т. 3. М.: Индрик, 2012. С. 186–227. (Труды исторического факультета МГУ; Сер. 3. *Instrumenta studiorum*.)
8. Послание апостола Варнавы // Писания мужей апостольских / пер. П. Преображенского. М.: Издательский совет РПЦ, 2008. С. 87–119.
9. Поучения Сильвана (Наг Хаммади VII, 4) / пер. А.Л. Хосроева // Кавказ и Византия. 1987. № 5. С. 115–144.
10. Щедровицкий Д.В. Введение в Ветхий Завет: Пятикнижие Моисеево. М.: Теревинф, 2014. 1084 с.
11. Gilhus A.S. Animals, Gods and Humans: Changing Attitudes to Animals in Greek, Roman and Early Christian Thought. London: Routledge, 2006. 222 p.
12. Grant R.M. Early Christians and Animals. New York: Routledge, 1999. 40 p.
13. Jackson H.M. The Lion Becomes Man: The Gnostic Leontomorphic Creator and the Platonic Tradition. Scholarspress, 1985. 209 p.
14. Jacobs J., Eisenstein J.D. Zodiac // Jewish Encyclopedia / ed. Isidore Singer. Vol. 12. New York, 1906. P. 688–689.
15. Origen. Contra Celsum / ed. H. Chadwick. Cambridge: University Press, 1980. 572 p.
16. Vermeille A. Physiologus. De l’Orient a l’Occident. Paris: Neuchâtel, 2006. 62 p.

Literatura

1. Apokrificheskie Deyaniya Petra (NHC VI.1 i BG 4) / per. A.L. Xosroeva // Mir Vostoka. Vy'p. 1. SPb.: Vostochnyj universitet, 1998. S. 5–16.
2. Kliment Aleksandrijskij. Pedagog | Tvorenie uchitelya Cerkvi Klimenta Aleksandrijskogo / per. N.N. Korsunskogo. M.: Uch.-inf. e'kumenicheskij centr ap. Pavla, 1996 // Pravoslavnaya e'nciklopediya «Azbuka very'». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/pedagog/

3. *Kliment Aleksandrijskij. Stromaty'* / per. E.V. Afonasinoj. SPb.: Izd-vo Olega Aby'shko, 2003 // Pravoslavnaya e'nciklopediya «Azbuka very». URL: https://azbyka.ru/otehnik/Kliment_Aleksandrijskij/stromaty/
4. *Kliment Rimskij. Pervy'e poslaniya k korinfyanam* // Pisaniya muzhej apostol'skix / per. P. Preobrazhenskogo. Riga: Latvijskoe Biblejskoe obshhestvo, 2008. S. 95–148; 395–399.
5. *Mil'kov V.V. Smol'nikova L.N. Otkrovenie Varuxa* / podgot. drevnerusskogo teksta, vvodnaya st., komment. // Mil'kov V.V. Drevnerusskie apokrify' / red. R.A. Simonov. SPb.: Izd-vo RXGI, 1999. 896 s. (Pamyatniki drevnerusskoj my'sli: issledovaniya i teksty'. Vy'p. 1). S. 476–487, 493–498.
6. *Platon. Gosudarstvo* / pod red. A.F. Loseva, V.F. Asmusa. SPb.: Izd-vo Olega Aby'shko, 2007. T. 3. S. 97–495.
7. *Plinij Starshij. Estestvennaya istoriya. Kniga 8*: per. s lat. I.Yu. Shabaga // Trudy' kafedry' drevnih yazy'kov. T. 3. M.: Indrik, 2012. S. 186–227. (Trudy' istoricheskogo fakul'teta MGU; Ser. 3. Instrumenta studiorum.)
8. *Poslanie apostola Varnavy'* // Pisaniya muzhej apostol'skix / per. P. Preobrazhenskogo. M.: Izdatel'skij sovet RPC, 2008. S. 87–119.
9. *Poucheniya Sil'vana (Nag Xammadi VII, 4)* / per. A.L. Xosroeva // Kavkaz i Vizantiya. 1987. № 5. S. 115–144.
10. *Shhedroviczkij D.V. Vvedenie v Vetxij Zavet: Pyatknizhie Moiseevo*. M.: Terevinf, 2014. 1084 s.
11. *Gilhus A.S. Animals, Gods and Humans: Changing Attitudes to Animals in Greek, Roman and Early Christian Thought*. London: Routledge, 2006. 222 p.
12. *Grant R.M. Early Christians and Animals*. New York: Routledge, 1999. 40 p.
13. *Jackson H.M. The Lion Becomes Man: The Gnostic Leontomorphic Creator and the Platonic Tradition*. Scholarspress, 1985. 209 p.
14. *Jacobs J., Eisenstein J.D. Zodiac* // Jewish Encyclopedia / ed. Isidore Singer. Vol. 12. New York, 1906. P. 688–689.
15. *Origen. Contra Celsum* / ed. H. Chadwick. Cambridge: University Press, 1980. 572 p.
16. *Vermeille A. Physiologus. De l'Orient a l'Occident*. Paris: Neuchâtel, 2006. 62 p.

N.V. Safonova

Features of Perception of Animalistic Images: from Old Testament to «Physiologus»

The main goal of the author is to analyse the animalistic images in Old Testament and early Christian literature with the purpose of revealing the process of formation of unique images and plots of «Physiologus», as well as their features distinctive from previous traditions.

Keywords: Alexandrian «Physiologus»; stories about animals; early Christian literature; fathers of the Church; apocrypha; Greco-Roman literature.

Ф.А. Михайловский

Римские политические партии периода Поздней республики в оценке отечественной историографии

Проблема политических партий, оптиматов и популяров, связана с определением сущности, характера, организационных форм политической борьбы в Римской республике. Одни ученые считают их противостоящими друг другу партиями олигархии и демократии. Другие считают, что говорить следует о политических течениях и программах. Часть исследователей отрицают организационное оформление политической борьбы или же пишут о «личных партиях» политических вождей. Автор считает, что проблема партий все еще остается под вопросом.

Ключевые слова: оптиматы; популяры; историография.

В гражданских войнах периода Поздней республики (133–30 гг. до н. э.), приведших к установлению принципата, столкнулись интересы разных общественных классов и слоев. Саллюстий пишет, что после трибуна Т. Гракха (133 г. до н. э.) в Риме начались распри между народом и знатью (*Iug.*, 41–42), а Цицерон (*Sest.*, 96–105) сообщает о двух видах политиков: оптиматах («лучших») и популярах («народниках»). Они и рассматриваются в современной историографии в качестве так называемых римских политических партий.

Называть эти политические течения партиями можно, поскольку само слово происходит из языка римлян: *pars* (*partis* — во множественном числе) по-латыни означает «часть». В Древнем Риме этим термином обозначали группу сторонников какого-либо политического лидера. Кроме того, для обозначения более мелкой политической группировки римляне употребляли термин «фракция» (*fractio*). Но, разумеется, римские партии были очень далеки от политических партий нового времени.

Впервые оценка политической борьбы в Римской республике во II–I вв. до н. э. как борьбы двух партий была высказана немецкими учеными XIX в. В. Друманом и Т. Моммзеном. В. Друман, правда, не использовал термин «популяры» и писал о противостоянии «народной партии» и оптиматов (сенатской партии). Но затем Т. Моммзен, в значительной степени модернизируя исторический процесс, ярко и талантливо изобразил противостояние правящей «аристократической партии» оптиматов и оппозиционной «демократической партии» популяров (подробнее см.: [3: с. 199–201; 11: с. 190–191]). С появлением его «Истории Рима» двухпартийная схема надолго стала общепринятой.

Отечественные ученые XIX – начала XX вв. разделяли взгляды Т. Моммзена по данному вопросу. Так, М.И. Ростовцев, хотя и не использовал понятия

«оптиматы» и «популяры», все же представлял себе политическую борьбу в период Поздней республики как партийную. По его оценке, в Риме, начиная с Гракхов и вплоть до Цезаря, существовало единое демократическое движение [14: с. 27, 41, 48, 51, 72]. Впрочем, работа М.И. Ростовцева — всего лишь общий очерк. Наиболее подробно картина партийной борьбы в Римской республике — от Гракхов до Августа — освещена в книге Р.Ю. Виппера [1]. В его трактовке в Римской республике во II–I вв. до н. э. представителям сенатской олигархии (они иногда именуются автором оптиматами [1: с. 104]) противостояло со временем Гракхов мощное демократическое движение, представленное партией популяров [1: с. 43, 47, 55, 62]. При этом Р.Ю. Виппер не считал демократическое движение монолитным, но показывал его как явление сложное. Так, Ливий Друз, известный противник Гая Гракха (Р.Ю. Виппер считал его деятельность по характеру демократической), рассматривается как представитель «консервативно-демократической группы» внутри «гракховой партии» [1: с. 71]. Р.Ю. Виппер выделял также «капиталистическую фракцию партии популяров» [1: с. 84]. В основе политической борьбы находились социально-экономические отношения, интересы различных слоев и групп, а генеральная линия партийной борьбы, согласно Р.Ю. Випперу, шла «между нобилитетом и демократией» [1: с. 78]. Показан в книге и постепенный упадок демократического движения, и неуклонное возрастание роли армии и полководцев [1: с. 164 и след., 306 и след.].

Впрочем, в дореволюционной отечественной историографии проблема политических партий специально не исследовалась. В полной мере она начала изучаться только в советский период, да и то не сразу. При этом концепция Т. Моммзена оказала на советскую историографию не меньшее влияние, чем на дореволюционную.

Понятно, что в советский период вопрос о борьбе римских партий рассматривался через призму марксистской исторической концепции, с позиций классовой борьбы. Но в основе исторических построений ученых по-прежнему оставалась двухпартийная схема В. Друмана – Т. Моммзена. В 1930-х годах В.С. Сергеев считал оптиматов и популяров политически организованными группами, или партиями, борьба между которыми началась после гибели Тиберия Гракха. Оптиматы представляли интересы нобилитета, а популяры были организованным ядром сельского и городского плебса [18: с. 173]. В 1940-е годы той же точки зрения придерживались А.В. Мишулин [13: с. 68], С.И. Ковалев [8: с. 37; 9: с. 439] и Н.А. Машкин [12: с. 131 и след.], а в 1950-е годы — В.Н. Дьяков [6: с. 577 и след.]. Во взглядах ученых имелись, конечно, некоторые расхождения, но не принципиальные. Например, для большинства борьба оптиматов и популяров началась в Риме с Гракхов, а вот по мнению С.И. Ковалева, названия «оптиматы» и «популяры» получили распространение в период Югуртинской войны начиная со 108 г. до н. э. [9: с. 439].

Оценки партийной борьбы предлагались в общих курсах римской истории. Первой специальной работой о римских партиях стала статья Н.А. Машкина [12].

В этой работе ученый придерживался двухпартийной схемы, но особо подчеркнул существенное различие между римскими и современными партиями: в Риме не было оформленных организаций с четкими программами и уставом. По оценке Н.А. Машкина, римские партии — организационно не оформленные, но устойчивые политические течения, в основе которых лежали социально-политические разногласия [12: с. 131, 137].

Между тем на Западе уже появилось новое направление в исследовании политической борьбы в Римской республике — так называемое просопографическое, начало которому положили исследования немецких ученых М. Гельцера (1912) и Ф. Мюнцера (1920). В дальнейшем в 1930—1960-х годах сторонники этого направления преобладали в зарубежной историографии (см.: [11: с. 205]). Они рассматривали политическую борьбу в Риме как соперничество временно образовывавшихся и постоянно распадавшихся небольших аристократических группировок. Популяры — это отдельные политики, не имевшие возможности действовать через сенат и потому обращавшиеся к комициям. Они вовсе не стремились защищать интересы народа, а преследовали собственные эгоистические цели.

В статье о римских партиях Н.А. Машкин критиковал просопографическое направление [12: с. 127—129] и отверг как «сущность исследовательских приемов», так и «главный вывод» М. Гельцера и его последователей. «Исследования такого рода... — писал Н.А. Машкин, — оставляли без внимания рабовладельческий характер римского общества, а некоторые несущественные производные явления римской политической жизни приняты были в них за основные и определяющие». Главный вывод М. Гельцера о том, что в Риме имела место не борьба между аристократией и демократией, а борьба аристократических группировок «в существенном направлении на затушевывание классовой борьбы в Риме» [12: с. 130].

Тем не менее и в советской историографии двухпартийная схема вскоре испытала нешуточное потрясение. Вопрос о римских политических партиях в 1950—1960-е годы в корне пересмотрел С.Л. Утченко. Он отошел от господствовавшей двухпартийной системы и пришел к выводу, что как оптиматы, так и популяры — вообще не партии и даже не политические группировки. Оптиматы — это благонамеренные, состоятельные граждане, вне зависимости от их принадлежности к какому-то сословию. Популяры — особый род политиков, которые действовали в угоду толпе. Общий вывод С.Л. Утченко звучит так: «...Наличие программ и отсутствие организаций, т. е., говоря иными словами, можно признать наличие идейно-политических “течений”, но нельзя признать наличие “партий”» [20: с. 94].

Выводы С.Л. Утченко не получили поддержки последующих исследователей. В 1970—1980-е годы Б.П. Селецкий в серии статей рассмотрел ряд латинских терминов и формул, носивших политический смысл [15—17]. Наиболее полно взгляды ученого изложены в статье, посвященной изучению термина *optimates* в «Переписке» Цицерона [16]. Отметив, что значение термина «оптиматы», которое вкладывает в него Цицерон, не было в Риме общепринятым, Б.П. Селецкий поставил перед собой задачу выяснить «общепринятое»,

«первичное», или «доцицероновское», значение этого термина. Он считал, что такое значение можно установить на основе изучения частной переписки Цицерона, в которой тот «отбрасывает словесную эквилибристику и ораторские трюки» [16: с. 119]. В итоге Б.П. Селецкий пришел к выводу, что в «Переписке» оптиматы предстают группой, «объединенной общими политическими взглядами, общей политической платформой» [16: с. 122], т. е. «в качестве политической партии в том смысле, в каком их определял Н.А. Машкин» [16: с. 123]. В заключительной части статьи Б.П. Селецкий обратился к вопросу о возможной датировке «появления, распространения и, возможно, окончательного оформления в Риме термина *optimates*» [16: с. 124] и пришел к выводу, что термин «в его политическом значении появился в Риме не позднее начала II в. до н. э.» [16: с. 125]. Таким образом, исследователь изыскал дополнительные аргументы в пользу двухпартийной схемы.

В те же годы проблему римских политических партий конца II–I вв. до н. э. исследовал в рамках кандидатской диссертации А.Б. Егоров [2]. Он отметил, что обыкновенно действовало множество разнородных группировок, однако в кризисные периоды выступали два лагеря: оптиматы — это различные группировки правящего нобилитета и популяры — группировки обедневшей, отстраненной от власти знати. Наличие течений, отражающих крупные социальные интересы, исследователь признает только для конца II в. до н. э.

Можно сказать, что А.Б. Егоров занял довольно осторожную позицию, стараясь примирить двухпартийную схему и просопографическое направление (ср.: [19: с. 47]). Однако в недавнее время в обстоятельной статье о римских популярах А.Б. Егоров высказался по проблеме партий вполне определенно [3]. Он анализирует термин «популяры» и его контекст, изучает персональный состав политиков, называемых в источниках популярами, их программу, а также партийные и персональные связи. Исследователь приходит к выводу, что можно говорить о консолидированном движении популяров, с конкретной программой и партийными и персональными связями между участниками этого движения.

В 1980-е годы оригинальный взгляд на римские партии высказала Н.Н. Трухина [19]. По ее мнению, в Риме существовали не две, а три политические «партии», или, точнее, общественно-политических движения. Оптиматам, отстаивавшим привилегии правящего нобилитета, по сути, правящей партии противостояла оппозиция, включавшая в себя не только популяров, но еще партию «порядочных» (*boni*). Это были граждане хорошего достатка, которые не считали нужным поддерживать олигархический строй. Популяров Н.Н. Трухина определяет как «мелкоплебейскую демократию», отстаивавшую интересы простого народа. Она указывает, что для Цицерона популяры — это только непосредственные вожаки плебса, которые организовывали и побуждали к действию широкие массы.

Таким образом, Н.Н. Трухина придерживается партийной схемы и не приемлет просопографический метод. Относительно зарубежной историографии она (не без оснований) замечает: «Ощущается тупик исследования позднереспубликанских партий, искусственно оторванных от крупных общественных интересов.

Преобладает просопографический уклон, вырождающийся в бесперспективный анализ магистратских списков — сухой и бескровный, как древнейшие римские анналы» [19: с. 47].

Представление о борьбе двух партий в Риме, безусловно, оставалось доминирующим в отечественной историографии до конца советского периода. В те же 1980-е годы вышла в свет монография А.В. Игнатенко, в которой содержится традиционное для советской историографии еще 1930–1940-х годов представление: оптиматы и популяры — это «своеобразные партии античного мира» [5: с. 93], «соперничающие группировки господствующего класса» [5: с. 121], «фракции господствующего класса» [5: с. 122]. Популяры — это римская демократическая партия, или партия народа. Оптиматы — партия знати, «республиканская группировка» [5: с. 123].

Однако в учебниках 1980-х годов учитывалось бесспорное замечание Н.А. Машкина о том, что партии в Риме отличались от партий Нового времени и представляли собой скорее политические течения. Так, В.И. Кузицин следующим образом определял характер политической борьбы после движения Гракхов: «В процессе ожесточенной политической борьбы между реформаторами (которых впоследствии называли популярами), опиравшимися на народное собрание, и консерваторами, или оптиматами, оплотом которых являлся аристократический сенат, были выработаны разные программы развития Римского государства. Борьба за осуществление этих программ определила в значительной степени все последующее развитие Римской республики вплоть до ее падения» [7: с. 128].

В постсоветский период проблемой римских партий занимались А.В. Зарщикин [4] и Р.В. Лапыренок [10] в рамках кандидатских диссертаций.

А.В. Зарщикин в работе «Цезарь и цезарианцы: роль личной группировки в политической борьбе» выступил убежденным сторонником просопографического направления, что видно уже из названия работы. Согласно одному из его итоговых выводов, термин «оптиматы» «служил для обозначения наследственной аристократии в целом», а также «использовался для определения узкой группы сенаторов, на которую ориентировался в своей политике Цицерон» [4: с. 19]. Изучать термин *populares* А.В. Зарщикин не стал, хотя имя Цезаря традиционно связывается с популярами. В качестве еще одного итогового вывода предложен следующий: «Основу римских политических партий составляли родственно-дружеские кланы аристократов. Этот вывод позволяет опровергнуть господствующее в отечественной историографии представление об идеологической составляющей политической жизни в Риме и, как следствие, о “партийном” ее характере» [4: с. 19].

Предметом исследования Р.В. Лапыренка послужили «ключевые эпизоды политической истории Рима эпохи поздней Республики (противостояние гракханцев и сената в 132–124 гг. до н. э., Г. Марий и законы П. Сульпиция Руфа, а также движение П. Клодия), которые трактуются в современной историографии с точки зрения борьбы оптиматов и популяров» [10: с. 3]. Исследователь приходит к выводу, что термины «оптиматы» и «популяры» применимы только

к последнему из исследуемых «ключевых эпизодов», а именно к движению Клодия. По его мнению, эти термины были введены в политический лексикон Цицероном около 64 г. до н. э., когда активизировалась политическая деятельность плебса, которую возглавил Катилина, но противопоставлять эти понятия друг другу Цицерон начал лишь в речах, произнесенных в 56 г. до н. э. в период движения Клодия [10: с. 9–10]. «Таким образом, — пишет Р.В. Лапырёнок, — не вполне корректно использовать термины *optimates* и *populares* для анализа событий политической истории Рима, предшествовавших заговору Катилины, и последовавших за убийством П. Клодия» [10: с. 13]. Популяры в его понимании — это вожди «низших слоев римского общества», являвшиеся «амбициозными политиками, стремившимися к диктатуре». Оптиматы же — это «коалиция римских собственников, представлявших все сословия римского общества, как бывших марианцев, так и бывших сулланцев, главной целью которых являлась борьба с угрозой “снизу”» [10: с. 10].

Таким образом, Р.В. Лапырёнок отрицает наличие в период гражданских войн в Риме не только политических партий, но и политических течений и программ (в том числе демократического движения, поскольку деятельность Гракхов сводится к проблеме воинского набора и рассматривается как реакционная [10: с. 14–16]).

Казалось бы, можно сказать, что в демократической России новое поколение исследователей, свободное от марксистской доктрины, следуя в фарватере западной историографии, с успехом опровергает «господствующее в отечественной историографии представление» о партийной борьбе в Риме. Однако вывод о борьбе аристократических кланов вместо партий или течений не новый и он вовсе не «опровергает» точку зрения о борьбе политических партий или (с бесспорным уточнением Н.А. Машкина) течений, как не опровергнул ее сто лет тому назад. Сторонники просопографического направления уходят от выяснения социальных, социально-экономических и идеологических основ политической борьбы в период гражданских войн в Риме и сводят политическую борьбу к соперничеству личных честолюбий римских нобилей (так сказать, «амбициозных политиков, стремившихся к диктатуре»). Такая концепция устраивает не всех. Неслучайно в зарубежной историографии, как показано в обзоре, выполненнем О.В. Любимовой, усиливаются и становятся все более многочисленными возражения против просопографического подхода [11: с. 205]. Проблема римских партий по-прежнему остается дискуссионной уже потому, что она не сводится к выяснению только организационных форм политической борьбы в Римской республике, но непосредственно связана с определением сущности и характера этой борьбы, ее социальной базы и идеологии.

Литература

1. Виннер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин: Гос. изд-во РСФСР, 1923. 434 с.
2. Егоров А.Б. Политические партии в Риме в период гражданских войн II–I вв. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977. 25 с.

3. Егоров А.Б. Римские популяры — терминология, структура движения и идеологии // Мнемон. 2009. Вып. 8. С. 199–232.
4. Зарычков А.В. Цезарь и цезарианцы: роль личной группировки в политической борьбе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. 20 с.
5. Игнатенко А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре: (историко-правовое исследование). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 160 с.
6. История древнего мира: учебник для учительских институтов / под ред. В.Н. Дьякова, Н.М. Никольского. М.: Учпедгиз, 1952. 782 с.
7. История Древнего Рима: учебник / под ред. В.И. Кузицина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1982. 336 с.
8. Ковалев С.И. История Рима: курс лекций. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ордена Ленина ун-та, 1948. 807 с.
9. Ковалев С.И. История Рима. СПб.: Полигон, 1986. 864 с.
10. Лапыренок Р.В. Политическая борьба в поздней Римской республике: оптиматы и популяры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. 22 с.
11. Любимова О.В. Понятие «популяры» в современной историографии // Вестник древней истории. 2015. № 1. С. 190–207.
12. Машкин Н.А. Римские политические партии в конце II и в начале I в. до н. э. // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 126–139.
13. Мишулин А.В. История Древнего Рима. Курс всеобщей истории. Древняя история. М.: Высшая партийная школа при ЦК, 1946. 197 с.
14. Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. Петроград: Огни, 1918. 145 с.
15. Селецкий Б.П. О социальном значении формулы *satis boni* в переписке Цицерона // Вестник древней истории. 1974. № 2. С. 178–183.
16. Селецкий Б.П. Термин *optimates* в его первоначальном общепринятом значении в «Переписке» Цицерона // Вестник древней истории. 1979. № 4. С. 117–126.
17. Селецкий Б.П. Финансовая политика оптиматов и популяров в конце 90–80-х годов I в. до н. э. // Вестник древней истории. 1983. № 1. С. 148–162.
18. Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима. Ч. 1. М.: ОГИЗ, Гос. социально-экономическое изд-во, 1938. 368 с.
19. Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. 184 с.
20. Утченко С.Л. К вопросу о римских политических партиях // Вестник древней истории. 1963. № 3. С. 82–95.

Literatura

1. Vipper R.Yu. Ocherki istorii Rimskoj imperii. Berlin: Gos. izd-vo RSFSR, 1923. 434 s.
2. Egorov A.B. Politicheskie partii v Rime v period grazhdanskix vojn II–I vv. do n. e'': avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. L., 1977. 25 s.
3. Egorov A.B. Rimskie populyary' — terminologiya, struktura dvizheniya i ideologiya // Mnemon. 2009. Vy'p. 8. S. 199–232.
4. Zarshhikov A.V. Cezar' i cezariancy': rol' lichnoj gruppirovki v politicheskoy bor'be: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2003. 20 s.
5. Ignatenko A.V. Drevnij Rim: ot voennoj demokratii k voennoj diktature: (istoriko-pravovoe issledovanie). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1988. 160 s.

6. *Istoriya drevnego mira: uchebnik dlya uchitel'skix institutov / pod red. V.N. D'yakova i N.M. Nikol'skogo.* M.: Uchpedgiz, 1952. 782 s.
7. *Istoriya Drevnego Rima: uchebnik / pod red. V.I. Kuzishhina.* 2-e izd., pererab. i dop. M.: Vysshaya shkola, 1982. 336 s.
8. *Kovalev S.I. Istoriya Rima: kurs lekcij.* L.: Izd-vo Leningradskogo gos. ordena Lenina un-ta, 1948. 807 s.
9. *Kovalev S.I. Istoriya Rima.* SPb.: Poligon, 1986. 864 s.
10. *Lapyryonok R.V. Politicheskaya bor'ba v pozdnej Rimskoj respublike: optimaty i populyary: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.* Saratov, 2005. 22 s.
11. *Lyubimova O.V. Ponyatie «populyary» v sovremennoj istoriografii // Vestnik drevnej istorii.* 2015. № 1. S. 190–207.
12. *Mashkin N.A. Rimskie politicheskie partii v konce II i v nachale I v. do n. e'.* // *Vestnik drevnej istorii.* 1947. № 3. S. 126–139.
13. *Mishulin A.V. Istoriya Drevnego Rima. Kurs vseobshhej istorii. Drevnyaya istoriya.* M.: Vysshaya partijnaya shkola pri CK, 1946. 197 s.
14. *Rostovcev M.I. Rozhdenie Rimskoj imperii.* Petrograd: Ogni, 1918. 145 s.
15. *Seleczkij B.P. O social'nom znachenii formuly' satis boni v perepiske Cicerona // Vestnik drevnej istorii.* 1974. № 2. S. 178–183.
16. *Seleczkij B.P. Termin optimates v ego pervonachal'nom obshheprinyatom znachenii v «Perepiske» Cicerona // Vestnik drevnej istorii.* 1979. № 4. S. 117–126.
17. *Seleczkij B.P. Finansovaya politika optimatov i populyarov v konce 90–80-x godov I v. do n. e'.* // *Vestnik drevnej istorii.* 1983. № 1. S. 148–162.
18. *Sergeev V.S. Ocherki po istorii Drevnego Rima. Ch. 1.* M.: OGIZ, Gos. social'no-konomicheskoe izd-vo, 1938. 368 s.
19. *Truxina N.N. Politika i politiki «zolotogo veka» Rimskoj respubliki.* M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1986. 184 s.
20. *Utchenko S.L. K voprosu o rimskix politicheskix partiyax // Vestnik drevnej istorii.* 1963. № 3. S. 82–95.

F.A. Mikhailovsky

Roman Political Parties of the Period of the Late Republic in the Evaluation of Russian Historiography

The problem of political parties, optimates and populares, is connected with the definition of essence, character, organizational forms of political struggle in the Roman republic. Some scientists consider them to be the parties of the oligarchy and democracy opposed to each other. Others believe that we should speak about political trends and programmes. Some researchers deny the organizational forms of the political struggle or write about the «personal parties» of political leaders. The author believes that the problem of parties is still a debatable question.

Keywords: optimates; populares; historiography.

К.Ю. Ганжа

Уинстон Черчилль и создание Совета Европы в условиях начавшегося противостояния Запада и Востока

В статье рассматривается политическая деятельность У. Черчилля, направленная на создание Совета Европы в послевоенных условиях начавшегося противостояния Запада и Востока

Ключевые слова: Запад – Восток; холодная война; железный занавес; ТАСС; общеверопейское движение; Соединенные Штаты Европы; Совет Европы; Консультативная ассамблея; Парламентская ассамблея.

Во многих европейских странах активные сторонники деятельности Совета Европы, чья история начинается с 1947 года, готовятся отметить 70-летие этой организации, официально появившейся в мае 1949 года. Этот юбилей дает повод еще раз обратиться к истории возникновения Совета Европы, у истоков которого стоял Уинстон Черчилль. Тесно связанная с появлением Совета Европы идея этого британского политика о создании Соединенных Штатов Европы (СШЕ) не ушла в историю; недавно лидер Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Мартин Шульц на партийном съезде заявил о необходимости учреждения СШЕ к 2025 году (?!)¹.

На наш взгляд, воссоздание полной исторической картины появления Совета Европы возможно только в контексте начавшегося тогда противостояния Запада и Востока, сущностным проявлением которого являлась холодная война между миром капитализма (Запад) и миром социализма (Восток), включавшая в себя непримиримую идеологическую, политическую, экономическую и военную конфронтацию [2: с. 8–9].

Хорошо известна критическая оценка сталинской, «имперской», внешней политики Советского Союза в годы холодной войны. Но и США вместе со своими союзниками, как отмечает российский исследователь И.Г. Жиряков, были далеко не ретивыми сторонниками международного права и общепринятых моральных ценностей в своей внешней политике: жесткое применение военной силы, тайные операции, нарушение норм международного права и морали были нередким явлением в западной политике на протяжении десятилетий холодной войны [3: с. 52].

В июле 1945 года У. Черчилль после поражения на всеобщих выборах, став лидером оппозиции, сосредоточил свое внимание не на вопросах политической и экономической жизни самой Великобритании, а на мировых и европейских

¹ Der zweite Tag des Parteitags // Sozialdemokratische Partei Deutschlands (SPD). URL: <https://www.spd.de/partei/bundesparteitag-2017/der-zweite-tag-des-parteitags/> (дата обращения: 02.12.2017).

проблемах. Не забывая оценивать Великобританию как мировую державу, которая наряду с другими странами-победителями должна определять структуру будущего устройства мира, направления развития мировой политики, быть посредником в урегулировании кризисных ситуаций в стиле Ялтинской и Потсдамской конференций, У. Черчилль взял на себя роль вдохновителя и организатора послевоенного общеевропейского движения.

19 сентября 1947 года У. Черчилль, выступая в Цюрихе, озвучил свои «общеевропейские идеи». Начал свою речь Черчилль с характеристики трагедии, которая произошла в годы Второй мировой войны, когда Европа, по его мнению, «извергла из себя серию страшных националистических распреи», и закончил предложением «восстановить семью европейских народов», создав «нечто наподобие Соединенных Штатов Европы»².

Почитатели политического таланта У. Черчилля высоко отзываются об этой речи своего кумира, хотя идея создания Соединенных Штатов Европы посещала его еще в годы Второй мировой войны. К тому же следует согласиться с мнением отечественных исследователей о том, что «ни одно из выступлений Черчилля не содержало разработанной концепции построения единой Европы» [4: с. 116].

Действительно, британский политик даже не пытался вдаваться в детали, а лишь намечал контуры предполагаемого послевоенного объединения Западной Европы.

Одни исследователи, оценивая план Черчилля по созданию Соединенных Штатов Европы, считают, что он был направлен против господства США в Европе. Другие видят в предложении Черчилля желание сблизить Францию и Германию и интеграцию последней в «европейскую семью народов». Третьи полагают, что свою страну Черчилль выносил за скобки единой Европы, приводя в качестве аргумента слова самого британского политика: «Мы с Европой заодно, но мы не являемся ее частью. У нас общие интересы, но мы не хотим раствориться в ней и потерять свое лицо» [1: с. 94]. Наконец, четвертые утверждают, что в призывае Черчилля к политическому объединению Европы нет никакой стратегической внешнеполитической концепции. Будущая общеевропейская организация виделась Черчиллю, полагают сторонники этой точки зрения, как форум, которым он мог реально располагать, пока власть была сосредоточена в руках лейбористов, форум европейского масштаба с широкой аудиторией, форум для публичной критики политики лейбористов³.

Можно дискутировать по высказанным суждениям. Но одно, как нам кажется, является бесспорным: план Черчилля по объединению Европы был

² Churchill W. The speech on 19 Sep. 1947 in Zurich. URL: <https://www.winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-council-of-europe>; URL: http://www.cvce.eu/obj/address_given_by_winston_churchill_zurich_19_september_1946-en-7dc5a4cc-4453-4c2a-b130-b534b7d76ebd.html (дата обращения: 02.12.2017).

³ Wendell M. Churchill and the Unification of Europe. URL: <http://www.winstonchurchill.org./ITJ102.htm> (дата обращения: 02.12.2017); Young J.W. Churchill's «No» to Europe: the «Rejection» of European Union by Churchill's Post-War Government 1951–1952. URL: <http://www.winston-churchill.org./ITJ58.htm> (дата обращения: 02.12.2017).

направлен против СССР. Об этом говорит тот факт, что Советский Союз не был упомянут в числе держав, могущих войти в Соединенные Штаты Европы.

В речи У. Черчилля в Цюрихе, как замечает в своей диссертационной работе И.В. Яншина, содержались «формулировки первых шагов к примирению ведущих европейских акторов с их последующим объединением» перед угрозой, якобы исходящей от СССР [6: с. 38–48]. Как известно, за полгода до Цюриха У. Черчилль уже высказывался по этому поводу в Фултоне (США), призвав западноевропейцев к объединению ввиду появления железного занавеса. Это политическое клише означало, что Запад находится «в осаде», а потому все его действия должны быть направлены, как считали и считают до сих пор большинство политиков и исследователей, против стремления «советского руководства обособить и перестроить Восточную Европу по советскому образцу» [6: с. 38–48].

Надо признать, что опасения Запада, вызванные внешней политикой сталинского руководства, были не безосновательными, но и гипертрофировать эти опасения не следует.

Итак, цюрихская речь, где, кстати, содержался пассаж о необходимости «готовности всех мужчин и женщин скорее умереть, чем сдаться под власть тирании»⁴ (явный намек на «тиранию», исходящую от СССР), стала развитием фултонской речи и имела ярко выраженную целевую установку на антисоветское объединение Западной Европы. Британский исследователь Дж. Чамли также утверждает, что выступление Черчилля в Цюрихе следует считать лишь продолжением его фултонской речи марта 1946 года [8: с. 249].

С другой стороны, в призывах Черчилля к европейскому единству можно увидеть стратегию воздействия на Советский Союз, чтобы продемонстрировать последнему силу западного мира, руководимого Великобританией и США. Примерно такой же точки зрения придерживается и западный исследователь К. Ларрес [9: р. 26].

В 1946–1947 годах под воздействием выступления Черчилля в Цюрихе во многих европейских государствах возникли общественные организации, ставившие своей целью политическое объединение Европы. В Великобритании, в частности, такой организацией руководил Д. Сэндис, известный деятель консервативной партии, зять Черчилля. Г. Макмиллан отмечал в своих мемуарах, что в тот период Черчилль не пытался определять будущее политическое, военное или экономическое устройство Европы [7: р. 156].

Реакция Советского Союза на деятельность европейских организаций, ставивших своей целью политическое объединение Европы, была вполне ожидаемой. Телеграфное агентство Советского Союза, которое являлось, как известно, не только информационным, но и пропагандистским, и даже «политическим органом» КПСС, считало, что деятельность этих организаций, проповедовавших в том

⁴ Churchill W. The speech on 19 Sep. 1947 in Zurich. URL: <https://www.winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-council-of-europe>; URL: http://www.cvce.eu/obj/address_given_by_winston_churchill_zurich_19_september_1946-en-7dc5a4cc-4453-4c2a-b130-b534b7d76ebd.html (дата обращения: 02.12.2017).

или ином виде идею федеральной Европы, возглавляемых «наиболее реакционными буржуазными политиками, поджигателями войны вроде Черчилля», направлена «против Советского Союза, стран народной демократии и демократического движения в Западной Европе» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 64).

В 1947 году на базе многочисленных организаций в Париже был учрежден международный координационный комитет Движения за объединение Европы. В мае 1948 года он организовал конгресс Европейского движения в Гааге, торжественное открытие которого проходило в рыцарском зале, где по традиции нидерландский парламент собирался для заслушивания тронной речи королевы.

Самой многочисленной на конгрессе была французская делегация — 155 человек, за ней шла делегация Великобритании — 145 человек. Почетным президентом конгресса был избран Уинстон Черчилль [5: с. 72].

10 мая 1948 года на заключительном заседании конгресса в качестве одной из главных резолюций было принято решение о возможном скорейшем создании представительной ассамблеи.

Вернувшись из Гааги, Черчилль и его коллеги по партии обратились к премьер-министру Великобритании К. Эттли с просьбой о встрече для обсуждения результатов конгресса. На встрече Черчилль предложил, чтобы правительства стран — членов Брюссельского пакта рассмотрели вопрос о Европейской ассамблее и взяли на себя инициативу по ее созданию.

С октября 1948 года по январь 1949 года проходили переговоры и различные консультации между Великобританией, Францией, Бельгией, Люксембургом и Нидерландами по вопросу создания будущей общеевропейской организации, ее структуры. Согласование различных точек зрения было возложено на специальную комиссию, которая к январю 1949 года пришла к компромиссному решению, удовлетворившему всех участников переговорного процесса. Было принято решение о создании в составе будущего общеевропейского объединения комитета министров, отражающего точку зрения правительств, и Консультативной ассамблеи парламентариев, представленной не только членами правящих партий европейских государств.

Комментируя переговоры, предшествовавшие созданию Совета Европы, американская печать позднее подчеркивала, что эти переговоры закончились успешно лишь потому, что французское правительство последовательно устранило коммунистов, отказалось от reparаций, нарушило франко-советский договор и коренным образом изменило политику Франции периода 1945–1946 годов в германском вопросе (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 47).

Эта же самая печать подчеркивала, что Западная Германия призвана играть первостепенную роль в будущей Европе; допущенная сначала в качестве союзника, Западная Германия, опираясь на промышленную мощь и американскую поддержку, сможет взять инициативу в свои руки (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 47).

В марте – апреле 1949 года в Лондоне была проведена международная конференция с участием официальных представителей 10 европейских государств (пяти государств — членов Брюссельского пакта: Бельгии, Великобритании, Люксембурга, Нидерландов и Франции, — а также Дании, Ирландии, Италии, Норвегии и Швеции), на которой был разработан Устав общеевропейской организации.

5 мая 1949 года участники Брюссельского пакта и пять приглашенных государств подписали в Лондоне Устав Совета Европы. Английское центральное бюро информации передавало 7 мая 1949 года о том, что устав состоял из преамбулы и 42 статей, разделенных на 10 глав, и составлен был на английском и французском языке; приводились основные положения устава (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 39–43).

В преамбуле говорилось, в частности, о том, что подписавшие устав страны, «подтверждая свою верность духовным и моральным ценностям, которые являются общим наследием их народов и подлинным источником личной свободы, политической свободы и законности, — принципам, которые являются основой всякой подлинной демократии; считая, что для поддержания и дальнейшего воплощения в жизнь этих идеалов, а также в интересах экономического и социального прогресса необходимо более тесное единство между всеми единомышляющими странами Европы», создают «“Совет Европы”, состоящий из комитета представителей правительств и консультативной ассамблеи», для «осуществления выраженных чаяний их народов» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 39). Цель Совета Европы заключалась в том, чтобы «достичь большей степени единства между его членами ради обеспечения и проведения в жизнь идеалов и принципов, составляющих их общее наследие и способствующих их экономическому и социальному прогрессу» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 39).

Согласно Уставу Консультативная ассамблея была поставлена в определенную зависимость от Комитета министров. К компетенции последнего относилось: утверждение повестки дня ассамблеи и одобрение принятых ею резолюций рекомендательного характера, прием новых членов, утверждение бюджета, контролирование работы Секретариата, определение представительства и взноса участников. Решения Комитета министров принимались единогласно, что давало каждой стороне право вето.

Устав Совета Европы запрещал любые дискуссии по вопросам обороны, обязывал Комитет министров при утверждении повестки дня исключать те вопросы, которые относятся к компетенции Организации европейского экономического сотрудничества и Организации Брюссельского договора [10: р. 142].

СССР встретил известие о создании Совета Европы, который долгое время называл Европейским советом, с большой неприязнью и уничижительной критикой. По глубокому тогдашнему убеждению советской стороны, Европейский совет как гражданский орган, выражавший якобы европейское общественное

мнение, на самом деле «угодное заправилам военного Западного союза и Североатлантического блока», будет заниматься, во-первых, «демагогией об “организации” Европы, об экономическом, социальном и культурном “сотрудничестве”», чтобы отвлечь внимание народов «маршаллизованных» стран от последствий экономического кризиса и провала «плана Маршалла», и воспрепятствовать росту борьбы трудящихся этих стран за осуществление своих требований; во-вторых, усилением идеологической подготовки новой войны, противопоставляя страны Европейского совета Советскому Союзу и странам новой демократии, вовлечением Западной Германии и некоторых других стран, не участвующих в Североатлантическом договоре в активную политическую и идеологическую подготовку новой войны против СССР и стран народной демократии; в-третьих, пропагандой «общеевропейских» и «сверхнациональных» интересов, дабы «замаскировать империалистическую колонизацию Западной Европы и уничтожение национального суверенитета и независимости европейских стран в целях осуществления англо-американских планов мирового господства» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 73).

Первая сессия Консультативной ассамблеи Совета Европы начала работу 10 августа 1949 года в Страсбурге (с 1974 года она называется Парламентской ассамблей Совета Европы — ПАСЕ)⁵.

После небольшой дискуссии, в которой, конечно, принял участие Черчиль, была утверждена повестка дня работы ассамблеи. Сложность выработки повестки дня определялась тем, что согласно Статуту Совета Европы (статья 22) Консультативная ассамблея являлась совещательным органом Совета Европы. Она могла обсуждать вопросы, относящиеся к ее компетенции, причем согласованные с Комитетом министров (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 42–43).

Французский министр иностранных дел Робер Шуман, комментируя повестку, говорил, что ее утверждение «свидетельствует о стремлении министров иностранных дел уважать максимальную свободу дискуссий и свободу выбора подлежащих обсуждению вопросов; если такие настроения сохранятся, это, конечно, приведет не только к тому, что отношения между различными органами станут более гибкими, но и к тому, что такую гибкость приобретут и положения, определяющие эти отношения» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 54).

У. Черчиль выступил в Страсбурге 17 августа 1949 года⁶. Как сообщало агентство Рейтер (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 58–62), Черчиль с самого начала своей речи (говорил на французском языке) отметил, что Консультативная ассамблея должна «пользоваться полной свободой дискуссий по всем вопросам, за исключением вопросов обороны, что объясняется особой причиной». «Мы должны утвердить наше право на эту свободу; мы должны иметь

⁵ Парламентская ассамблея Совета Европы. URL: <http://www.internationaldemocracy-watch.org/index.php/council-of-europe-> (дата обращения: 02.12.2017).

⁶ Churchill W. The speech on 17 August 1949 in Strasbourg. URL: <https://www.winston-churchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-council-of-europe/> (дата обращения: 02.12.2017).

своих собственных парламентских должностных лиц, которые оказывали бы нам помочь в наших обсуждениях».

У. Черчилль, констатируя, что «Консультативная ассамблея создана путем выбора нынешними правительствами представителей из состава парламентов различных стран», делал выводы о том, что это обстоятельство «не дает нам власти принимать на нынешней стадии решения». Мы требуем, подчеркивал британский политик, чтобы «нам было предоставлено право вносить предложения, но не нам надлежит принимать решения, отнесенные к исполнительной власти»; «мы можем обсуждать европейские проблемы и выработать сознание единства. Мы должны нащупать путь вперед и благодаря своему здравому смыслу создать растущую силу и заслужить хорошую репутацию». Черчилль выражал надежду на внесение соответствующих изменений в устав организации.

Затем он перешел к вопросу о правах человека. «Мы придаем этому большое значение и рады, что теперь комитет министров устранил препятствия, стоявшие на пути обсуждения этого вопроса Ассамблей», — отмечал английский делегат. — Действительно, Европейская ассамблея, которой было бы запрещено обсуждать права человека, явилась бы в глазах всего мира чем-то нелепым».

Уинстон Черчилль, размышляя о правах человека, выразил надежду на то, что вскоре будет создан европейский суд; «этот суд не принимал бы санкций; приведение его приговоров в исполнение зависело бы от индивидуальных решений государств, которые теперь объединены в Совете Европы».

Кроме того, он затронул вопрос о «пустых» креслах, которые являлись бы «символом» временного отсутствия в Консультативной ассамблее стран народной демократии. Он говорил: «Десять древних столиц Европы теперь находятся за железным занавесом. Значительная часть европейского континента находится в рабстве. Она избавилась от нацизма только для того, чтобы подпасть под власть другой крайности — коммунизма. Это напоминает человека, совершающего длинное путешествие с Северного полюса и очутившегося по своем пробуждении на Южном полюсе. Он среди льда и снега, дуют сильные, пронизывающие ветры. Мы, конечно, должны предусмотреть какое-либо объединение с представителями этих стран, которые лишены обычной демократической свободы, но которые, конечно, с течением времени вновь обретут её. Ассамблея следовало бы тщательно обсудить этот вопрос, и я согласен со всеми теми, кто выступал за то, чтобы оставить в Ассамблее несколько мест доказательство нашего стремления к тому, чтобы в один прекрасный день Ассамблея представляла всю Европу».

Завершал свое выступление Черчилль рассмотрением, как он сказал, «самого большого и наиболее важного» вопроса, стоящего перед ассамблей. «Объединенная Европа не может существовать без помощи Германии и без ее силы, — пламенно подчеркивал Черчилль. Он призывал делегатов приложить усилия для того, чтобы «привлечь Германию к нашему кругу до истечения года».

Вопрос о приеме Западной Германии в члены Консультативной ассамблеи поднимал также делегат ван дер Гус. После этого Черчилль внес предложение о приеме Западной Германии в Совет Европы. Французские представители Шуман и Бидо, не возражая в принципе против приема Германии, заметили тем не менее, что с вопросом о приеме Германии нельзя торопиться (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 72). Как известно, ФРГ получит приглашение вступить в Совет Европы в 1950 году.

За заседаниями ассамблеи внимательно следило ТАСС, отслеживая соответствующие публикации. Выводы ТАСС были выдержаны в духе сталинской безапелляционной пропаганды: проходившие общие прения на сессии Консультативной ассамблеи «были полны враждебных и клеветнических выступлений против Советского Союза и стран народной демократии». Были повторены, по утверждению ТАСС, «клеветнические вымыслы об угрозе европейской цивилизации со стороны СССР, о нарушении “прав человека”, о “принудительном труде” и проч.» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 72).

К осуждению первых шагов новой общеевропейской организации присоединились и коммунисты Европы. В частности, газета французской компартии «Юманите Диманш» писала, что Совет Европы «является организмом, служащим для осуществления целей Атлантического пакта», и что он будет следовать намеченному Уинстоном Черчиллем «пути на Восток» для завоевания стран Восточной Европы (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 47).

Завершив работу своей первой сессии, Консультативная ассамблея открыла историю Совета Европы. Рожденный в результате длительных дебатов, Совет Европы принял форму традиционного межправительственного сотрудничества. Этому в немалой степени способствовали активные усилия У. Черчилля, чья политическая деятельность, наряду с этим, была направлена против СССР и его союзников в Европе, что выхолащивало идею общеевропейского объединения.

Прошли десятилетия после описываемых событий. За прошедшее время Совет Европы не раз демонстрировал активное участие в области защиты прав человека, демократического развития, законности и культурного взаимодействия между европейскими странами. Но в истории деятельности Совета Европы были не только яркие, но и откровенно блеклые страницы, связанные с агрессивным насаждением своего понимания демократических ценностей.

Россия вступила в Совет Европы в январе 1996 года и стала активно участвовать в деятельности этой организации. Известные события 2014 года осложнили отношения России с Парламентской ассамблей Совета Европы: российская делегация перестала участвовать в ее работе. Вернуться в ПАСЕ РФ считает возможным в случае восстановления отнятых из-за позиции по Крыму полномочий и создания необходимых для диалога условий. При этом российская сторона подчеркивает, что отношений с Советом Европы в целом разрывать не намерена.

Упомянутые события показали, что при коренном изменении мира, завершении холодной войны между миром капитализма и миром социализма

не исчезли противоречия между Западом и Востоком, наполненные новым содержанием — цивилизационным, геополитическим и геостратегическим противостоянием.

Литература

1. *Бедарида Ф.* Черчилль. М.: Молодая гвардия, 2003. 126 с.
2. *Жиряков И.Г., Макаренков М.В.* Австрия и европейская экономическая интеграция в контексте отношений Запад – Восток. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 220 с.
3. *Жиряков И.Г., Максимова О.В.* Основные этапы австрийско-советских отношений после заключения Государственного договора: позиции политических партий // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. 2010. № 2. С. 50–64.
4. *Лекаренко О.Г.* У. Черчилль и планы создания «Европейской армии» // Вестник Томского госуниверситета. 2003. № 3 (276). С. 115–119.
5. *Калашникова Н.В.* Образование Совета Европы, его структура и основные направления деятельности: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 255 с.
6. *Яншина И.В.* Политика Великобритании в вопросе европейской интеграции в свете Лиссабонских соглашений: 2007–2011 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 144 с.
7. *MacMillan H.* Tides of fortune. 1945–1955. London, 1969. 729 p.
8. *Charmley J.* Churchill's Grand Alliance: the Anglo-American special relationship, 1940–1957. San Diego, New York, London, 1996. 427 p.
9. *Larres K.* Integrating Europe or Ending Cold War? Churchill's post-war foreign policy // Journal of European Integration History. 1996. Vol. 2. № 1. P. 15–49.
10. *Northedge F.S.* British Foreign Policy. The Process of Readjustment. 1945–1961. L.: George Allen and Unwin, 1962. 261 p.

Literatura

1. *Bedarida F.* Cherchill'. M.: Molodaya gvardiya, 2003. 126 s.
2. *Zhiryakov I.G., Makarenkov M.V.* Avstriya i evropejskaya ekonomicheskaya integraciya v kontekste otnoshenij Zapad – Vostok. M.: IIU MGOU, 2016. 220 s.
3. *Zhiryakov I.G., Maksimova O.V.* Osnovnye etapy avstriysko-sovetskix otnoshenij posle zaklyucheniya Gosudarstvennogo dogovora: pozicii politicheskix partij // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholoxova. 2010. № 2. S. 50–64.
4. *Lekarenko O.G.* U. Cherchill' i plany' sozdaniya «Evropejskoj armii» // Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. 2003. № 3 (276). S. 115–119.
5. *Kalashnikova N.V.* Obrazovanie Soveta Evropy', ego struktura i osnovnye napravleniya deyatel'nosti: dis. ... kand. ist. nauk. Stavropol', 2004. 255 s.
6. *Yan'shina I.V.* Politika Velikobritanii v voprose evropejskoj integracii v svete Lissabonskix soglashenij: 2007–2011 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2013. 144 s.
7. *MacMillan H.* Tides of fortune. 1945–1955. London, 1969. 729 p.
8. *Charmley J.* Churchill's Grand Alliance: the Anglo-American special relationship, 1940–1957. San Diego, New York, London, 1996. 427 p.
9. *Larres K.* Integrating Europe or Ending Cold War? Churchill's post-war foreign policy // Journal of European Integration History. 1996. Vol. 2. № 1. P. 15–49.

10. *Northedge F.S.* British Foreign Policy. The Process of Readjustment. 1945–1961. L.: George Allen and Unwin, 1962. 261 p.

K.Yu. Ganzha

**Winston Churchill and the Creation of the Council of Europe
in the Context of the Beginning of Confrontation Between the West and the East**

The article examines the political activities of W. Churchill aimed at creation of the Council of Europe in the post-war conditions of the confrontation which started between West and East.

Keywords: West – East; Cold war; Iron curtain; Telegraph Agency of the Soviet Union; pan-European movement; United States of Europe; Council of Europe; Consultative Assembly; Parliamentary Assembly.

Д.Н. Лещенко

«Национальный фронт» и его место в политической жизни Франции

В статье речь идет об идеологическом, структурном и организационном становлении «Национального фронта» Франции, праворадикальной партии Французской Республики, лидер которой Марин Ле Пен вышла во второй тур президентских выборов 2017 года. Анализируются основные причины его образования и эволюция в тесной связи с развитием политической жизни Франции.

Ключевые слова: партийная политическая система; идеология; избирательный капитал; национал-популизм.

Прошедшие президентские и парламентские выборы во Франции 2017 года выявили существенные сдвиги в социальном и политическом устройстве Пятой республики. Представители основных политических партий, «Республиканцев» (LR) и Социалистической партии (PS), определявших политическую жизнь Франции последних пятидесяти лет, не вышли во второй тур президентских выборов, что говорит об их окончательном упадке и отрыве от реальных социальных проблем французов. Эммануэль Макрон, относящий себя как к правым, так и к левым констатировал: «Наши политические партии мертвы и в реальности друг другу не противостоят, а желают только, завладев избирательным капиталом, продлить свое политическое существование» (Le Figaro. 2017. 12 мая). Следствием такого положения дел является то, что главные политические партии потеряли свое идеологическое содержание и не могут со всей полнотой и адекватностью отражать современные реалии французского общества и на сегодняшний день не выражают ничьих интересов, кроме интересов своих активистов и функционеров (освобожденного партийно-политического аппарата). Итоги президентской кампании 2017 года историк и эссеист Жак Жюльярд рассматривает как показатель того, что «эпоха политических партий во Франции подходит к концу и уступает место “движению” к прямой демократии. Социалистическая партия (PS) и “Республиканцы” (LR) — основные проигравшие, которые в своем движении по политическому полю не возбуждают в гражданах ничего, кроме презрения и безразличия» (Le Figaro. 2017. 1 мая). Тот факт, что во втором туре президентских выборов противостояли друг другу Эммануэль Макрон со своим движением En March! и Марин Ле Пен, президент старейшей политической партии Франции «Национальный фронт», являющейся праворадикальной по своей сущности и в победе которой были заинтересованы в том числе

и некоторые российские политики, делает крайне актуальным с исторической точки зрения рассмотрение ее эволюции, этапов идеологического, организационно-структурного становления и электорального проникновения.

До момента основания «Национального фронта» правый радикализм представлял собой, по классификации Пьера-Андре Тагиеффа, две тенденции. Первая из них — национал-либеральная, состоящая из разношерстных правых национально-радикальных, ультраконсервативных групп, группировок и отдельных политических деятелей, христианских движений различного толка, многочисленных групп неовишистов, легионеров и популистов¹, носителей контрреволюционной традиции, основанной на «крестьянском национализме»², и группы приверженцев французского Алжира, после 1958 года ставших ярыми антиголлистами. Вторая тенденция — национал-революционная, в большинстве случаев напрямую восходящая к революционному наследству итальянского фашизма, германского национал-социализма многочисленных профашистских движений, рассматривающих борьбу против деколонизации как благоприятные условия для совершения революции против системы [4: с. 16]. В 1960-х годах в политической жизни Франции доминировали две политические партии, располагающиеся на флангах политического спектра: на правом — голлисты, на левом — коммунисты. Между этими двумя располагался правый центр, состоящий из разнообразных, не связанных между собой формирований, выражавших интересы своих клиентел, и Французская секция Рабочего интернационала (SFIO), будущая Социалистическая партия (PS) (Le Point. 2017. 11 мая). Изучая электорат ультраправых того времени, Паскаль Перино отмечает, что в отличие от коммунистов, социалистов, голлистов и умеренных правых у радикалов не было исторически сложившейся традиционной группы электоральной поддержки, хотя в периоды острых кризисных явлений она существенно возрастала. Это позволяло им проводить своих представителей в органы власти на парламентских выборах и в законодательное собрание на выборах различных уровней. Такие периоды электоральной активности не носили долгосрочного характера и спадали в моменты, когда пики кризисов шли на спад. Примеры таких всплесков: 1956 году движение пужадизма получило 12,9 % (одно из парламентских мест занял 27-летний депутат-пужадист Жан-Мари Ле Пен, самый молодой на тот момент), а уже в 1958 году на парламентских выборах — 2 %; в апреле 1962 года голосование на референдуме против Эвианских соглашений — 9,3 %, но на выборах в парламент того же года — 0,8 %; на президентских выборах

¹ Понятие «популизм» в современной западной политологии и историографии имеет несколько различных значений в зависимости от исторического контекста. В тексте статьи популизм имеет общее значение, заключающееся в прямом обращении к народу, к его здравому смыслу; он противопоставляет «скромных» людей, «униженных» и «маленьких» «великим», классу коррумпированных политиков, финансовым кругам, крупной буржуазии и интеллектуалам; популизм полагается на волеизъявление «суверенного народа» и клеймит завоевания прямой демократии. Он манипулирует массами, прибегая к демагогическому дискурсу.

² Крестьянский национализм (или национал-католицизм) вписывается в правую линию контрреволюционной традиции, появившийся в результате слияния католического революционного интегризма и националистического активизма.

1965 года кандидатура Тиксье-Винанкура набирает 5 %, а уже на парламентских 1967 года ультраправые показали результат всего 0,62 % [9: с. 24].

Образование НФ относится к 1972 году, периоду, когда давление голлизма на институты Пятой республики стало постепенно ослабевать, и партия голлистов, находившаяся до этого времени в тени своего патрона, начинала постепенно осознавать необходимость своей автономии от «форс-идеи» своего основателя и формирования новой программы, основанной на более мягким варианте идеологических голлистских принципов [5: с. 37]. Политическое поле в этот период времени трансформировалось в систему четырех партий, где на правом фланге — голлисты, одновременно конкуренты и партнеры «конфедерации центристов», а на левом — объединенный союз левых, PS, возглавляемая Франсуа Миттераном, и коммунисты (PCF), постепенно набиравшие электоральный вес. Эта система на президентских выборах 1981 года впервые привела к власти левых во главе с Ф. Миттераном. Всё это давало шанс на объединение всех праворадикальных течений в унитарную политическую структуру с прицелом на выборы в парламент 1973 года, проникновение их на политическое поле и на завоевание и удержание электората.

С момента своего основания и до 1977 года НФ представлял собой пеструю организацию, состоящую из различных праворадикальных групп и группировок, вся деятельность которых складывалась в основном вокруг молодежной неофашистской группы Франсуа Дюпра, бывшего члена «Нового порядка», исповедовавшего национал-революционную идеологическую линию. Антиамериканизм, антисемитизм, антисионизм и ревизионизм, неприятие капитализма и коммунизма составляли основу идеологической платформы. Продвигая концепцию вмешательства государства в экономику и ратуя за создание народной милиции вооруженных граждан, националисты-революционеры открыто проводили линию на создание механизмов по дестабилизации государственного режима, находя в НФ трибуну для пропаганды и распространения своей идеологии на широкую аудиторию граждан. Возрастание влияния в НФ неофашизма проявлялось в дискурсах руководителей НФ, направленных против парламентаризма, демократии и носящих отпечаток антисемитизма, мондиалистских сил, воплощенных в «сионистском лобби» как ответственным за упадок Франции.

Период с 1977 года по 1980-е годы знаменует поворот в истории НФ. В это время происходит разрыв с национал-революционным направлением благодаря сплочению умеренного ядра вокруг Жан-Мари Ле Пена и переход НФ на позиции консервативного национал- популизма, исповедующего экономический популистский либерализм, способствующий электоральному проникновению НФ на политическую сцену.

1981–1982 годы были наиболее трудными для институтов Пятой республики и наиболее значимыми для НФ. Социалистическая партия во главе с Ф. Миттераном, вопреки своей предвыборной риторике и программным документам о «смене общества» и «разрыве с капитализмом», не смогла

ни фундаментально изменить экономическую политику, ни осуществить социальную политику солидарности различных слоев общества. Уже весной 1983 года совершается крутой поворот в сторону либерально-монетаристской «строгой экономии» и приватизации государственных предприятий [1: с. 292]. Благодаря новым альянсам, с помощью нового, более респектабельного образа и новой ориентации на региональное проникновение под лозунгом «Иммиграция – безопасность – безработица» Жан-Мари Ле Пену удается «вытащить» из политического гетто многочисленные праворадикальные группы, предлагая законченную социально-политическую программу, содержащую в сущности набор принципов, составляющих основную риторику фронтистов [4: с. 24]. Для многих аналитиков и ученых, в отличие от политиков, связывавших проникновение НФ на политическое поле с нахождением у власти левых, феномен Le Pen представлял собой продукт тройного кризиса во французском обществе — экономического, социального и культурного, — острота которого достигла своего апогея в момент нахождения у власти левых и который был спровоцирован действиями левого правительства [10: с. 20]. В июне 1982 года политика блокады зарплат и цен, осуществляемая правительством Пьера Моруа, показала, что методы левых ничем не отличались от методов правых. Левые, прия к власти в мае 1981 года, несли надежду, придавая ожиданиям французов мифическую окраску, возбуждающую их мечты на справедливое общество. После 1982 года этот миф развеялся. В ходе выборов в законодательное собрание Морбиана зимой 1983 года в интервью Аллену Ролла, журналисту *Le Monde*, Жан-Мари Ле Пен сказал: «Теперь я единственный способен научить французов мечтать» [10: с. 21].

В этот период ставится под сомнение функционирование институтов Пятой Республики, отмечается нехватка их гибкости и функциональный регресс, только усилившийся с нахождением у власти левых, оспаривается роль и место государства и его институтов в современной французской демократии, возрастает концентрация власти в руках ограниченного круга. Процесс прогрессивной трансформации партий, теряющих свои основные функции по «производству идей и выработки проектов и превращающихся в машины войны по завоеванию власти на президентских выборах», во многом обусловливается манипулированием общественным мнением средствами масовой информации, занимающих позицию между политическими действиями и идеологическими установками [3: с. 8–9]. Жан-Мари Винсен подчеркивает, что «Пятая Республика с момента своего основания действовала в направлении, традиционном для Франции, — ослабления политической организации... Публичное, или демократическое, пространство сокращается, оно наполнено шумом на дебатах, происходящих между представителями политической элиты... Мы видим появление тенденции вынести политические дебаты на задний план политической жизни. Посредством институциональных игр она выносит за рамки политических дебатов фундаментальные вопросы, такие как оборонная политика, международная политика, некоторые аспекты экономической

политики, а также табуирует вопросы функционирования институтов Пятой Республики» [11: с. 13–14]. Кроме того, обращается внимание на глубинную связь политической, административной и технократической элиты с наиболее прибыльным банковским сектором экономики, «когда приватизация затрагивала промышленный сектор наблюдалось только показное недовольство», поскольку многие промышленные предприятия были убыточными, «поэтому национализация этих предприятий на 100 % была воспринята позитивно». Но как только речь зашла о банках, правительство сразу встретилось с саботажем и даже с контрнаступлением олигархии политической и административной, тесно связанной с сектором патроната [11: с. 14]. К тому же через патронат, Национальный совет французских предпринимателей (MEDF), куда до 2017 года никогда не приглашались представители НФ, «финансируались дружественные партии и их кандидаты на выборах, либо через “черную касу”, либо через ведущие корпорации, имевшие солидный опыт лоббирования в органах власти своих деловых интересов» [1: с. 349].

В 1990-е годы, после двух семилетних сроков Ф. Миттерана, на базе союза гоплистов и центристов справа и Леонеля Жоспена, опирающегося на левое большинство и экологов, осуществлялось политическое управление Францией в период «сожительства»³ (coabitation). Для НФ этот период характеризовался электоральными победами на выборах различного уровня. Если электорат НФ на парламентских выборах в 1981 году составлял менее 200 000 человек, на европейских выборах 1984 года — более 2 000 000 человек, на президентских выборах 1988 года — более 4 000 000 человек, то на президентских выборах 1995 года численность электората превысила 4,5 млн. По мнению социолога Ноны Майер, периоды президентских выборов 1988 и 1995 годов и парламентских 1997 года были решающими в деятельности НФ. И хотя электоральный результат этих выборов практически идентичен, соответственно 14,6 %, 15,3 %, 15,2 %, «в течение этих десяти лет НФ консолидировал свое электоральное проникновение в регионы французской метрополии. Он завладел мэриями четырех больших городов юга Франции — Тулона, Мариньяна, Оранжа и Витроля» [7: с. 98].

В 1990-е годы в программу НФ были включены вопросы экологии, защиты окружающей среды и европейского строительства. Для НФ «экология не может быть отлична от национальной идентичности. Быть защитником окружающей среды значит бороться за сохранение необходимой среды обитания для выживания и развития живых существ... необходимо принимать во внимание иммиграцию как определяющий фактор, нарушающий природный баланс» [4: с. 31].

В отношении европейского строительства НФ не приемлет идею Европы «космополитической», «мондиалистской», «единой» и «бюрократической»,

³ В Пятой республике политическая жизнь определялась двумя решающими типами выборов — президентскими и парламентскими, — периодичность которых определялась различными сроками проведения: президентских — через семь лет, парламентских — через пять. «Сожительство» — период, когда президент был от социалистов, а премьер и большинство парламента — от правых.

выдвигая в противовес свою концепцию Европы как «цивилизационной коммуны, основанной на объединении европейских национальностей, гарантирующей каждой ее идентичность и интегрированность в рамках Европейской конфедерации». В своей речи Ж.-М. Ле Пен в мае 1992 года разоблачает Маастрихтский договор как «настоящее преступление против Франции», совершенное «еврофедералистами» и «глобальными банкирами», как «этап к мировому правительству, которое должно быть введено к 2000 году» [4: с. 32].

Наконец, выход во второй тур президентских выборов Жан-Мари Ле Пена 21 апреля 2002 года ознаменовал собой серьезные перемены в политической жизни Франции. В целях избежания проникновения НФ в политическую систему Франции правые осуществляли посредством UMP слияние наследников голлизма и центристов (LR) с социалистами (PS), если на каких-либо выборах возникала необходимость противостоять НФ.

В 2011 году НФ возглавила дочь уходящего президента партии — Марин Ле Пен, победившая Бруно Гольниша с результатом 67,65 % на внутренних выборах партии на XIV Конгрессе 15–16 января 2011 года, в результате чего она автоматически становилась кандидатом в президенты Франции на президентских выборах 2012 года (*Le Figaro*. 2011. 16 января). В президентство Франсуа Олланда «Республиканцы» не могли больше сдерживать выход НФ на широкую политическую электорально-региональную базу поддержки. Правые и центр раскололись. Правое национальное крыло (*l'aile identitaire des Républicains*) присоединилось к НФ, осуществляющий, в свою очередь, стратегию дедемонизации⁴ и находящийся в процессе обновления.

Возышение линии национал-суверенистов Флориана Филлиппо усиливает стратегические позиции НФ. Флориан Филлиппо, ставший правой рукой Марин Ле Пен, — один из главных столпов политики дедемонизации, инициатор социальной линии программы НФ, способствующий сильному развитию электорального потенциала, особенно на востоке и севере Франции, исторических районов левых (*Le Figaro*. 2016. 16 ноября).

Политика дедемонизации сопровождалась дистанцированием от основателя партии Жан-Мари Ле Пена и его ближайших исторических соратников. В августе 2015 года он был исключен из партии, хотя и стал почетным президентом (*Le Figaro*. 2017. 24 июля).

Благодаря динамике сформированной вокруг нового президента партии Марин Ле Пен и провозглашенной стратегии по дедемонизации НФ стал центром притяжения политической жизни Франции. НФ стал диктовать политическую повестку дня, вынуждая умеренных правых радикализироваться, а левых раскалываться, вырабатывая единую точку зрения по темам, поднятым НФ, обсуждение которых ранее было не принято в «политическом классе»

⁴ Политика, направленная на улучшение имиджа партии, сложившегося в предыдущий период ее деятельности, и сопровождающаяся смягчением заложенных идеологических принципов и радикальной позиции.

или игнорировалось совсем. Идеи, ставшие центральными в политических и общественных дискурсах, казалось, могут исходить только от НФ, который стал воплощать собой надежду большинства французов на серьезные изменения социально-политической системы республики. Такое полное доминирование в сфере идеологии существенно отражалось и на электоральных предпочтениях избирателей. На выборах в Европейский парламент 2014 года кандидаты из списка НФ одержали внушительную победу — 24 места из 75, — оставив далеко позади конкурентов. На департаментских выборах 2015 года успех повторился. В первом туре НФ показывает первый результат — 25,24 %, и это несмотря на кампанию, организованную премьер-министром Мануэлем Вальсом против НФ, который заявлял: «Могу ли я говорить о том ужасе, о том страхе за страну? Это НФ и его 30 %... Он уже первая партия Франции на европейских выборах. Он может снова повторить успех по случаю департаментских выборов... Невозможно представить, что НФ, набравший 25 % на европейских выборах, может быть наберет 30 % на департаментских, не сможет одержать победу на президентских? Не в 2022-м, не в 2029-м, а именно в 2017-м!» (Le Monde. 2015. 9 марта).

Перед началом президентской кампании 2017 года многие социологические службы прогнозировали в первом туре победу Марин Ле Пен с результатом около 30 %, намного опережающей результаты других кандидатов [2]. Такой успех НФ, помимо новой стратегии, обусловливается долгосрочными объективными факторами, диктующими необходимость кардинальных социально-экономических и политических изменений: отсутствие экономического роста в Европейском союзе; осознание большинством французов того, что политический класс работает в своих интересах вместо того, чтобы искать решение проблем всех граждан; необходимость защиты населения от глобализации, воспринимаемой как источник ослабления французской экономики и размывания коллективной идентичности; настойчивое требование повышения ответственности власти на всех уровнях и «наведение порядка» в стране, в которой никто не соблюдает установленных правил; настороженность в отношении ислама и мигрантов (факторы, взаимосвязанные в представлениях французов), являющихся основными факторами разрыва социальных связей коренного населения [2].

Однако против всех ожиданий НФ в первом туре президентских выборов пришел вторым, с результатом 21,3 % (не многим более результата 2002 года⁵), сокрушительно проиграл во втором и неуверенно выступил на парламентских. Восемь депутатов от НФ не позволяют сформировать парламентскую группу и организовать «реальную оппозицию» промакроновскому большинству, хотя и остается шанс сформировать ее в будущем с помощью альянсов (Le Figaro. 2017. 21 июня).

⁵ На президентских выборах 2002 года Жан-Мари Ле Пен в первом туре набрал 20,29 % ([https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Présidentielles/elecresult_presidentielle_2002/\(path\)/presidentielle_2002/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Présidentielles/elecresult_presidentielle_2002/(path)/presidentielle_2002/FE.html)).

Несмотря на то что кандидат в президенты от НФ во втором туре президентских выборов получил рекордное в истории партии число голосов (10,6 млн), бывший второй номер в партии, правая рука Жан-Мари Ле Пена, инициатор раскола 1998 года Бруно Мегре, и в настоящее время сохранивший свое влияние в НФ благодаря тесной связи с генеральным секретарем партии Николасом Баэм, строго критикует и осуждает стратегию президентской кампании Марин Ле Пен: «Неважно, какое значение имеет результат полученный кандидатом от НФ... Политическая ситуация, в которой НФ начинал эту кампанию, была исключительно благоприятна. После провального правления Олланда Социалистическая партия (PS) находится на последнем издохании. Расколотость “Республиканцев” (LR) не дала возможность выставить сильного кандидата. ...И что особенно важно, абсолютно подавляющее большинство французов отвергает глобализирующуюся политический класс, раздраженное катастрофической ситуацией, в которую он ввергает страну. НФ не увидел открывшееся историческое окно возможностей» [8].

Такое стремление к кардинальному изменению и обновлению своего лица в угоду политической корректности привело и к изменению идеологических принципов, и к потере ориентиров, то что кардинально отличало НФ от элитарной политической системы Французской Республики. Многие бывшие и настоящие фронтисты отмечают, что «хотя партия и приобрела новых избирателей, большинство стало задаваться вопросом куда движется партия». Бывший генеральный секретарь НФ Карл Лант отмечает, что в результате политики дедемонизации и ослабления идеологических позиций, «НФ стал играть на поле левых, а не правых Франсуа Фийона» (*Le Figaro*. 2017. 24 июля), что способствовало дезориентации правого электората.

Бывший генеральный делегат НФ, первый заместитель Жан-Мари Ле Пена Бруно Мегре указывает на четыре принципиальные ошибки в стратегии НФ: акцент на выход из Европы и зоны Евро; программа, «достойная левых 70-х», которая расколола электорат мелких предпринимателей, ремесленников и людей свободных профессий; обращение к электорату партии *La France Insoumise* Жан-Люка Меланшона, «что не могло не удалить от Марин Ле Пен электорат Республиканцев»; отсутствие внутренней культуры дебатов (*Le Figaro*. 2017. 12 мая). Таким образом, НФ не хватило в своей стратегии радикализма. В результате образ НФ в глазах избирателей ничем не отличался от умеренных «Республиканцев», и он вписывался в рамки представлений о политической эlite, к которой многие стали относить и НФ задолго до президентских выборов 2017 года.

В электоральном цикле 2017 года с наиболее радикальных позиций выступала как раз *En March!* Эммануэля Макрона, основное требование которого к президентскому большинству избавиться от своей «политической принадлежности» к какой-либо политической партии. Он ввел в свое окружение и продвинул на государственные посты представителей гражданского общества, до этого их никогда не занимавших (*Le Figaro*. 2017. 12 мая).

Современный французский лингвист и философ Жан-Клод Мильнер отметил: «Макрон мыслит в категориях 1958 года, а не в категориях 1981-го», — поэтому с победой Эммануэля Макрона Пятая республика по форме, хотя и с другим содержанием, возвращается к своим истокам, с чего начинал генерал де Голль, — преодоления классовых различий французского общества в той форме, в какой они существовали последние 50 лет не только во Франции, но и во всей Западной Европе.

Несмотря на то что НФ находится в кризисе, его история так или иначе будет продолжена. Поражение НФ в 2017 году способствовало в преддверии XVI Конгресса в марте 2018 года консолидации всех существующих в настоящее время формирований и активистов, причисляющих себя в той или иной мере к националистической традиции. Франсуа-Филипп Гальван, доктор конституционного права, в прошлом кандидат НФ на нескольких муниципальных выборах, рассматривая позитивную критику как необходимое условие политического и доктринального обновления НФ, констатировал: «Наша политическая семья национал-демократов и национал-популистов, синтез национализма и демократии, начавшаяся в конце 1880-х годов с движения “Буланжизма”, никогда не имела в своей истории постоянную институциональную структуру. Таким образом, с 1972 года и в течение уже сорока пяти лет она воплощается в “Национальном фронте Франции”. Он является политическим инструментом нашего народа, и его любыми средствами необходимо сохранить, какой бы справедливой критике он ни подвергался» [6].

Литература

1. Рубинский Ю.И. Франция в поисках новых путей. М.: Весь мир, 2007. 624 с.
2. Abecassis A., Gariazzo M., Morin Ch. Comment le triomphe annonce du front national n'a pas eu lieu. URL: <https://jean-jaures.org/nos-productions/le-fn-peut-il-depasser-sa-crise-de-croissance> (дата обращения: 22.08.2017).
3. Bertho A., Wolikow S. Place de l'état et des institutions dans le discours politique. Critique socialiste. Revue théorique du Parti Socialiste Unifi. Trimestriel № 51. 1er trimestre 1986. P. 11–13.
4. Buzzi P. Le Front national: entre national-populisme et idéologie d'extrême droit. Le discours politique en France. Evolution des Idées partisanes sous la direction de Pierre Bréchon. La documentation Française. P., 1994. P. 15–36.
5. Derville J. Les partis gaullistes: fidélité aux principes et évolutions doctrina. Le discours politique en France. Evolution des Idées partisanes sous la direction de Pierre Bréchon. La documentation Française. P., 1994. P. 37–58.
6. Galvane F.-Ph. Quelques remarques sur le Front national après la présidentielle de 2017. URL: <https://www.polemia.com/quelques-remarques-sur-le-front-national-apres-la-presidentielle-de-2017/> (дата обращения: 22.08.2017).
7. Mayer N. Les Francais qui Votent le Pen. P, 2002. 434 p.
8. Megret B. L'échec d'une stratégie. URL: <https://www.polemia.com/lechec-dune-strategie/> (дата обращения: 22.08.2017).
9. Perrinau P. L'electorat du front national bilan et perspectives. Critique socialiste. Revue théorique du Parti Socialiste Unifi. Trimestriel № 51. 1er trimestre 1986. P. 24–26.

10. *Rollat A.* Montee et enracinement du Front National Critique socialiste Revue théorique du Parti Socialiste Unifi Trimestriel. № 51. 1er trimestre 1986. P. 20–23.

11. *Vincent J-M.* La Ve Republique, democratie elitiste Critique socialiste Revue théorique du Parti Socialiste Unifi Trimestriel. № 51. 1er trimestre 1986. P. 13–15.

Literatura

1. *Rubinskij Yu.I.* Franciya v poiskax novy'x putej. M.: Ves' mir, 2007. 624 c.
2. *Abecassis A., Gariazzo M., Morin Ch.* Comment le triomphe annonce du front national n'a pas eu lieu. URL: <https://jean-jaures.org/nos-productions/le-fn-peut-il-depasser-sa-crise-de-croissance> (data obrashheniya: 22.08.2017).
3. *Bertho A., Wolikow S.* Place de l'etat et des institutions dans le discours politique. Critique socialiste. Revue théorique du Parti Socialiste Unifi. Trimestriel № 51. Ler trimestre 1986. P. 11–13.
4. *Buzzi P.* Le Front national: entre national-populisme et idéologie d'extrême droit. Le discours politique en France. Evolution des Idées partisanes sous la direction de Pierre Bréchon. La documentation Française. P., 1994. P. 15–36.
5. *Derville J.* Les partis gaullistes: fidélité aux principes et évolutions doctrina. Le discours politique en France. Evolution des Idées partisanes sous la direction de Pierre Bréchon. La documentation Française. P., 1994. P. 37–58.
6. *Galvane F.-Ph.* Quelques remarques sur le Front national après la présidentielle de 2017. URL: <https://www.polemia.com/quelques-remarques-sur-le-front-national-apres-la-presidentielle-de-2017/> (data obrashheniya: 22.08.2017).
7. *Mayer N.* Les Francais qui Votent le Pen. P, 2002. 434 p.
8. *Megret B.* L'échec d'une stratégie. URL: <https://www.polemia.com/lechec-dune-strategie/> (data obrashheniya: 22.08.2017).
9. *Perrinau P.* L'electorat du front national bilan et perspectives. Critique socialiste. Revue théorique du Parti Socialiste Unifi. Trimestriel №51. ler trimestre 1986. P. 24–26.
10. *Rollat A.* Montee et enracinement du Front National Critique socialiste Revue théorique du Parti Socialiste Unifi Trimestriel. № 51. 1er trimestre 1986. P. 20–23.
11. *Vincent J-M.* La Ve Republique, democratie elitiste Critique socialiste Revue théorique du Parti Socialiste Unifi Trimestriel. № 51. 1er trimestre 1986. P. 13–15.

D.N. Leshchenko

National Front and its Place in Political Life of France

The article deals with the ideological, structural and organizational development of the National Front of France, the right-wing radical party of the French Republic, whose president Maríne le Pen went to the second round of the presidential elections of 2017. The main reasons for its formation and evolution in close connection with the development of the political life of France are analyzed.

Keywords: party political system; ideology; electoral capital; national-populism.

Д.А. Тарасова

Латинская Америка как арена борьбы между Тайванем и Китаем¹

Статья посвящена борьбе между Китайской Народной Республикой и частично признанной Китайской Республикой (Тайванем) за влияние в Латинской Америке, дипломатическим и экономическим аспектам этой конкуренции, а также геостратегическим перспективам дальнейшего сотрудничества данных стран. Особое внимание уделено так называемой политике одного Китая и ее влиянию на развитие отношений. В заключение рассматриваются варианты дальнейшего развития событий в Центральной и Южной Америке.

Ключевые слова: Латинская Америка; Китай; Тайвань; geopolитика; борьба за влияние.

¹ Статья написана на основе следующих источников: Экономическая активность Китая в странах Латинской Америки [Электронный ресурс]. URL: http://www.issras.ru/global_science_review/Nauka_za_rubejom_n61.pdf (дата обращения: 04.11.2017); China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean, Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 24/11/2016/ [Электронный ресурс]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1418254.shtml (дата обращения: 05.11.2017); Daniel P. Erikson, Janice Chen. China, Taiwan, and the Battle for Latin America [Электронный ресурс]. URL: [http://www.w.thedialogue.org/PublicationFiles/Erikson-Chen-1%20\(2\).pdf](http://www.w.thedialogue.org/PublicationFiles/Erikson-Chen-1%20(2).pdf) (дата обращения: 04.07.2017); Emanuele Scimia. China-Taiwan diplomatic battle shifts to Latin America [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atimes.com/china-taiwan-diplomatic-battle-shifts-latin-america/> (дата обращения: 25.07.2017); FORMOSAT-5 Was Launched to Space Successfully And Has Contacted with Taiwan Ground Station(2017/08/25) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nspo.narl.org.tw/en2016/> (дата обращения: 04.07.2017); Free Trade Agreement, Republic of Nicaragua and Republic of China (Taiwan) [Электронный ресурс]. URL: <http://fta.trade.gov.tw/pimage/20140320174353016.pdf> (дата обращения: 04.12.2017); Johanna Mendelson Forman, Susana Moreira. Taiwan-China Balancing Act in Latin America [Электронный ресурс]. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/ari154-2008 (дата обращения: 01.12.2017); Nicaragua pledges to fight for Taiwan recognition on global stage [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reuters.com/article/us-taiwan-usa-nicaragua/nicaragua-pledges-to-fight-for-taiwan-recognition-on-global-stage-idUSKBN14V03Z?il=0> (дата обращения: 04.09.2017); Panamá rompe relaciones con Taiwán y establece relaciones diplomáticas con China [Электронный ресурс]. URL: <https://mundo.sputniknews.com/politica/201706131069910026-panama-taiwan-china/> (дата обращения: 04.11.2017); Ralph Jennings. After Panama, who's next to cut ties with Taiwan in favor of China? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/ralphjennings/2017/06/13/after-china-grabs-a-key-diplomatic-ally-to-spite-taiwan-heres-who-falls-next/#48f956c545ee> (дата обращения: 24.07.2017); The first China's Policy Paper On Latin America And The Caribbean, April 20, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://china.usc.edu/chinas-policy-paper-latin-america-and-caribbean> (дата обращения: 27.11.2017) и др.

Под влиянием Китая Тайвань постепенно теряет своих союзников: последним на данный момент разорвавшим дипломатические связи с Китайской Республикой стало латиноамериканское государство Панама. До этого с интервалом чуть более полугода отношения прекратило островное африканское государство Сан-Томе и Принсипи. Число стран, официально поддерживающих отношения с непризнанным государством Тайвань, сократилось, таким образом, до двадцати.

Противостояние Китая и Тайваня обострилось после признания президентом Китайской Республики Цай Инвэнь, члена Демократической прогрессивной партии, выступающей за полную независимость острова и провозглашение Тайваньской республики, в то же время критикующей сближение с КНР.

Сложность также представляет позиция «Существует только один Китай», означающая, что политическое признание Тайваня равносильно непризнанию КНР и наоборот.

Отношения также обострились после телефонного разговора в декабре 2016 года новоизбранного президента США с Цай Инвэнь. Трамп серьезно разрушил годы баланса в отношениях Китая и США, приняв поздравительный телефонный звонок от Цай, после своей неожиданной победы на выборах, напрямую столкнувшись с политикой одного Китая, которую Пекин считает основой отношений с любой страной, в том числе и с США.

Отношение США к Тайваню со временем их установления администрации Джимми Картера в 1979 году можно охарактеризовать как конструктивное лицемerie. Америка заявляет, что поддерживает тайваньскую демократию и продает ей оружие, чтобы она могла защитить себя от своего могущественного соседа, и в то же время придерживается политики одного Китая и отказывается признать Тайвань независимой страной. Основными аренами борьбы за политическое признание остаются Ватикан (единственное государство в Европе, поддерживающее Тайвань) и страны Центральной Америки, стремящиеся привлечь больше китайских инвестиций в свои развивающиеся экономики. Пекин имеет возможность усилить свое влияние в стратегически важном регионе, если убедит некоторых из одиннадцати дипломатических союзников Тайваня в Латинской Америке и Карибском бассейне перейти на свою сторону.

«Если Тайвань будет изгнан из Центральной Америки, тогда интересы Китая на “заднем дворике” США могут быть угрозой», — говорит Ло Чжи-чэн, член правящей Демократической прогрессивной партии и глава Комитета по иностранным делам в законодательном органе Тайваня.

Дипломатические отношения Тайваня со странами Центральной Америки восходят к тому времени, когда Китайская Республика, как она официально называется, а не коммунистическая Китайская Народная Республика, была признана многими странами. Однако в последние десятилетия Тайваню пришлось полагаться на финансовую и техническую помощь данным странам для поддержания этих отношений.

Некоторые из союзников Тайваня в Центральной Америке и Карибском бассейне одно время колебались, соблазненные обещаниями большей помощи, увеличением торговли и инвестициями из Китая. «На все наши страны оказывали давление, чтобы мы перешли на сторону материковово-го Китая», — сказал Рафаэль Фернандо Сьерра Кесада, посол Гондураса на Тайване.

Однако отсутствие дипломатических отношений не мешает китайским инвестициям. Одна китайская компания предлагает построить в Никарагуа, являющейся союзником Тайваня, канал, аналогичный Панамскому, а Доминиканская Республика и Гаити — государства, признающие Тайвань, — имеют торговые представительства в Пекине. Панама, разорвавшая отношения с Тайванем в июне 2017 года, до этого также имела свое представительство в Китае. Но официальные связи помогли бы углубить торговлю и инвестиции, а также позволили бы установить дополнительно и военные связи.

Исторически сложилось так, что официальные лица США никогда не придавали большого значения поддержанию отношений Тайваня со странами Центральной Америки. В то же время страны региона традиционно близки с американским обществом, что отражается, например, в потоке мигрантов, следовательно, США стоило бы уделить этому внимание, ведь усиление Китая в регионе может привести и к негативным последствиям, особенно если учитывать нарастающее соперничество США и КНР в районе Южно-Китайского моря, чья акватория до сих пор остается спорной территорией.

Латинская Америка является основным полем битвы между представительством Тайваня и Китайской Народной Республикой. Парагвай и одиннадцать государств Центральной Америки и Карибского бассейна составляют самую значительную группу стран, поддерживающих тайваньский статус независимого государства. Если бы Тайвань потерял эту поддержку, то у него остались бы только связи со Святым Престолом и десятью небольшими обедневшими странами Африки и южной части Тихого океана, что резко ослабило бы претензии Тайбэя на суверенитет.

Поездка тайваньского президента в начале 2017 года по центральноамериканским странам, таким как Сальвадор, Гондурас, Гватемала и Никарагуа, была направлена не только на укрепление торговых связей и взаимопонимания. Причина, по словам самой Цай Инвэнь, «показать международному сообществу, что Тайвань является ответственным союзником, способным к сотрудничеству»². «Мы все еще участвуем в этой битве, которая является всего лишь битвой принципов, так что народ Тайваня по-прежнему будет включен в международные организации, являющиеся частью Организации

² Los grandes intereses de Taiwán en Centroamérica, a pesar de la poderosa influencia de China [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/mundo/noticias-internacional-38578955> (дата обращения: 24.11.2017).

Объединенных Наций», — заявил президент Никарагуа Даниэль Ортега государственным СМИ Тайваня³.

В целом всё это демонстрирует миру, что дипломатия Тайваня существует, несмотря на попытки его изоляции со стороны Пекина. Истина заключается в том, что Тайвань не может позволить себе потерять союзников в Центральной Америке. Ведь 11 стран, признающих Тайвань, расположены в данном регионе. Непрерывность отношений Тайбэя с государствами данного региона является жизненно важной для него.

В 1972 году Тайвань потерял свою позицию в ООН в пользу коммунистического правительства, которое с тех пор поддерживается как официальное представительство Китая. Антикоммунистический выбор лидеров Центральной Америки прошлого века способствовал росту деловых отношений, которые сегодня Тайвань стремится поддерживать, несмотря на подавляющий экономический потенциал Пекина.

В июне 2017 года отношения с Тайванем разорвала Панама. Президент Хуан Карлос Варела поблагодарил Тайвань за сотрудничество, заявив, что тот «был большим другом Панамы», но подчеркнул, в частности, важность Китая, на который в настоящее время приходится 20 % мирового населения и который является второй по величине экономикой в мире. Он напомнил, что Китай участвовал в строительстве межокеанской железной дороги.

Варела также подчеркнул наличие крупных транснациональных компаний в Панаме, что делает данную страну в Центральной Америке торговой платформой и воротами в Северную и Южную Америку. Теперь Республика Панама признает только один Китай и обещает прекратить все отношения и официальные контакты с Тайванем. В официальном твиттер-аккаунте министерства иностранных дел Панамы сказано, что это «стратегическое решение в интересах народа, которое принесет экономические, политические и социальные выгоды для всей страны»⁴.

Тайвань, рассматриваемый Пекином как мятежная провинция, признан двадцатью странами. Все государства Центральной Америки выбрали для установления дипломатических отношений именно Тайвань, пока в 2010 году Коста-Рика не разорвала дипломатические отношения с островом, чтобы вступить в союз с Китаем. Панама последовала этим же путем, признавая политику одного Китая, а Тайвань — его частью. Этот исторический шаг увеличит растущий изоляционизм властей Тайбэя и даже может вызвать эффект домино в других странах Центральной Америки, которые до сих пор признают древний остров Формоза как суверенное государство.

Китай не имеет дипломатических отношений со странами, которые официально признают Тайвань, потому что он считает, что остров является неотъемлемой

³ Nicaragua Canal Project Description — HKND Group [Электронный ресурс]. URL: http://hknd-group.com/upload/pdf/20150105/Nicaragua_Canal_Project_Description_EN.pdf (дата обращения: 04.11.2017).

⁴ Cuenta Oficial del Ministerio de Relaciones Exteriores de la República de Panamá [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/CancilleriaPma> (дата обращения: 01.11.2017).

частью его территории. Разделение началось после окончания Второй мировой войны, когда китайские националистические войска генерала Чан Кайши потерпели поражение в гражданской войне против коммунистических сил во главе с Мао Цзэдуном и должны были покинуть материк в поисках убежища на Тайване. С тех пор напряженность в отношениях колебалась в зависимости от настроения того, кто контролировал власть на острове.

Установление отношений с Панамой стало победой для Китая. Китайские чиновники не скрывали свое удовлетворение, считая, что установление полных дипломатических отношений между Китаем и Панамой отражает растущую национальную власть и все более важный статус страны на международной арене. Кроме того, набирает обороты новый тип международных отношений, пропагандируемых Китаем, ядром которых является взаимовыгодное сотрудничество.

После выхода Панамы стали обсуждаться другие возможные кандидаты на разрыв отношений. Во-первых, Никарагуа. Хотя у этого государства традиционно близкие отношения с Тайванем и президент Даниэль Орtega тепло встретил президента Тайваня во время ее визита, все может измениться, если Китай продолжит свою инициативу связать два океана и, например, разморозит проект Никарагуанского канала, сделав его частью своего предложения «Один пояс и один путь».

Во-вторых, Парагвай — единственное южноамериканское государство, никогда не нарушавшее связей с Тайванем с момента их установления в 1957 году. Однако Парагвай может быть ключевой целью для Пекина из-за сдвигов в руководстве данной страны. И сейчас у него шансов больше, чем когда-либо, ведь сегодняшнее правительство Тайваня заявляет, что оно отошло от дипломатии чековой книжки.

В-третьих, Сент-Люсия. Этаカリбская островная страна с населением 164 000 человек когда-то была китайским союзником, но подписала контракт с Тайванем в 2007 году, когда два азиатских соперника все еще практиковали политику чековой книжки ради завоевания признания у небольших стран, нуждающихся в помощи. В 2012 году средства массовой информации заявили, что правительство бывшего премьер-министра Кенни Энтони хочет более тесных отношений с Китаем, но решило держаться за Тайвань, чтобы быть последовательными. В 2012 году у Китая было дипломатическое перемирие с Тайванем, поскольку Пекин и Тайбэй отложили политические вопросы ради налаживания торгово-экономических связей. Историческая готовность страны к переключению, а также истечение перемирия сделают ее легкой целью для возвращения Китая.

Тайбэй все еще играет важную роль в странах Центральной Америки, оказывая финансовую помощь своим союзникам и поддерживая сотрудничество с ними. Все это происходит в рамках так называемой жизнеспособной дипломатии на основе pragmatизма и экономической гибкости, принятой Тайванем в 1990-х, чтобы пережить китайское «наступление». По официальным

данным, страны Центральной Америки получали в среднем 50 миллионов долларов США за год в течение последних пяти лет без учета других торговых соглашений. В Никарагуа и Сальвадоре Тайвань построил большинство правительственные зданий или финансировал их строительство, как например, возведение президентского дворца (так называемого Дома народов) в Манагуа.

В целом Тайвань играет роль, выходящую за рамки финансовой, участвуя в качестве постоянного наблюдателя Центральноамериканского парламента со штаб-квартирой в Гватемале. В последние годы данный региональный законодательный орган издал несколько решений о признании Тайваня, являющегося источником финансирования различных проектов развития.

Страны Латинской Америки и Карибского бассейна, находящиеся в центре дипломатического соперничества между Китаем и Тайванем, значительно отличаются от многих своих соседей, уже признавших Пекин. В целом они имеют меньшую численность населения, слабые экономики и непропорционально представлены в регионах, расположенных ближе к Соединенным Штатам. Сегодня ни одна из крупных стран Латинской Америки не поддерживает дипломатические отношения с Тайванем; большинство государств со значительной экономикой и богатыми природными ресурсами, включая Мексику, Бразилию, Аргентину, Чили и Андские страны, установили отношения с Китаем много лет назад. Страны, которые в последние десятилетия отказались от поддержки Тайваня, представляют собой в основном малые островные государства, например Сент-Люсия и Багамские Острова (1997 г.), Доминика (2004 г.) и Гренада (2005 г.). С тех пор только Сент-Люсия изменила это решение.

Давление на оставшиеся за пределами влияния Китая карибские страны будет усиливаться в ближайшие годы, в то время как непрерывная цепочка союзников Тайваня в Центральной Америке станет следующей целью дипломатического наступления КНР. Парагвай, последний оплот Тайваня в Южной Америке, также находится в положении, когда его позиция становится всё более несовместимой с желаниями его партнеров по Меркосуру (Mercosur), особенно Бразилии, укреплять связи с Китаем. Это усиление внимания со стороны Китая и Тайваня не обязательно является нежелательным для Центральной Америки и Карибского бассейна. Действительно, большинство этих стран стремится к успешной интеграции в глобальные экономики, и они пытаются не только найти новых партнеров, но и максимизировать экономические выгоды от существующих отношений. Как Китай, так и Тайвань проявили интерес к финансированию различных проектов, которые превратили латиноамериканский ландшафт в арену инфраструктурной борьбы мостов, дорог, туннелей и стадионов, построенных как побочные продукты борьбы стран по обе стороны пролива. Более того, дипломатические отношения с одним партнером не препятствуют устойчивому экономическому развитию отношений с другим; многие страны, признающие Китай, по-прежнему занимаются бизнесом с Тайванем и наоборот.

Тем не менее дипломатическое соревнование между Китаем и Тайванем в регионе часто приводило к непреднамеренным последствиям, негативным для многих стран. С 2004 года миротворческая миссия ООН в Гаити оказывалась на грани утраты мандата каждый раз, когда приближалась дата его обновления, поскольку Китай использовал свое право вето в Совете Безопасности ООН в качестве инструмента дальнейшего отделения Гаити от тайваньской «хватки».

Парагвай как самый слабый член Меркосура может быть вынужден отказаться от своего признания Тайваня, тем самым потеряв самые длительные и прочные торговые отношения за пределами Западного полушария. Финансовые подарки Тайваня были в центре нескольких крупных коррупционных скандалов по всей Центральной Америке, но и коммунистический Китай вряд ли придаст большую прозрачность управлению. Даже страны, которые доказали свою преданность Китаю, часто обнаруживают, что дипломатическое давление остается очень сильным. В Доминикане, когда лидеры оппозиции использовали тайваньские флаги на своих политических митингах, китайское правительство официально протестовало, поднимая вопросы по проблеме свободы слова.

В конечном счете выбор между Китаем и Тайванем останется трудным внешнеполитическим решением для латиноамериканских стран на долгие годы. Для большей части региона, однако, это в значительной степени решенный вопрос, и можно сказать, что Китай, определенно, вышел победителем.

Внешние факторы, включая будущие перспективы роста Китая, развивающийся характер китайско-тайваньских отношений и динамизм тайваньской внешней политики, — все это будет определять, как отреагируют отдельные страны региона на ряд экономических стимулов и тактик, с которыми они столкнутся.

Учитывая растущий вес китайской экономики в глобальном пространстве, все союзники Тайваня в Западном полушарии находятся под постоянным давлением, направленным на формализацию их связи с Пекином. Однако некоторые из них стоят особняком как особенно восприимчивые к попыткам Пекина или из-за своего повышенного стратегического значения. В таком случае потеря даже одного из этих ключевых союзников нанесет Тайваню серьезный геополитический урон.

Пока о преимущественном успехе Китая свидетельствуют многие сферы сотрудничества, например космос. Все три венесуэльских спутника, включая и первый в истории Venesat-1 («Симон Боливар»), были запущены с китайских космодромов. Продолжается сотрудничество Бразилии и Китая по созданию спутников. Отдельным направлением их сотрудничества является мирное применение науки и техники в космосе. У Тайваня также есть космическая программа, но в этой области он не конкурент Китаю. Все тайваньские спутники с красивым названием Formosat, отсылающим к древнему названию

острова, были запущены с иностранных космодромов и выведены на орбиту американскими ракетами⁵.

Спекуляция вокруг потенциальных «государств-качелей» имела тенденцию в определенной мере сосредоточиваться на Панаме, одной из наиболее стратегически значимых стран Центральной Америки, которой Пекин оказывал содействие в расширении Панамского канала и которая в 2017 году все-таки сменила сторону. В 2006 году избиратели Панамы на референдуме одобрили этот масштабный инфраструктурный проект, который, несомненно, открыл новые экономические горизонты для китайских компаний. Новые шлюзы были открыты для коммерческого движения 26 июня 2016 года, и первым кораблем, пересекшим их, было контейнерное судно Cosco Shipping Panama типа New Panamax, принадлежащее китайцам⁶. Панама может считаться лидером в регионе, поэтому после того как правительство пришло к выводу, что выгоды от отношения с Пекином слишком велики, чтобы их игнорировать, остальные государства перешейка вполне могут последовать этому примеру.

Будучи единственным тайваньским союзником в Южной Америке, Парагвай тем не менее может стать кандидатом на прекращение отношений с Тайбэем. Членство Парагвая в Меркосуре препятствует подписанию соглашения о свободной торговле с Тайванем без одобрения со стороны всех членов союза, что представляет серьезное препятствие на пути углубления двусторонней торговли. Даже без официальных дипломатических связей Китай уже покупает значительную долю урожая сои в Парагвае, также являясь поставщиком примерно одной четвертой импортируемых Парагваем товаров, так что установление формальных отношений, несомненно, принесет значительные торговые выгоды. Парагвайское признание Тайваня во многом является пережитком радикально антикоммунистического режима Альфредо Стресснера. Учитывая, что его диктатура была свергнута в 1989 году, должностные лица в Асунсьоне могут решить отказаться от данного «реликтового» направления внешнеполитического курса.

Тайваньско-китайская борьба в Латинской Америке и Карибском бассейне будет решена либо путем улучшения отношений между двумя странами, либо экономически. По мере роста экономики и торговых потоков Китая и их же сокращения у Тайваня геополитическое притяжение материкового Китая усиливается. Похоже, что латиноамериканские союзники Тайваня руководствуются экономическими посылами в своих отношениях с Пекином и Тайбэем. Для небольших и бедных стран борьба между Китаем и Тайванем является важным источником столь необходимых ресурсов, особенно когда инфраструктурные проекты перестали по большей части поддерживаться западными инвесторами. Однако для более крупных стран растущее значение

⁵ Larry Luxner. In Caribbean and Latin America, Chinese Dragon Wakes Up [Электронный ресурс]. URL: www.luxner.com/cgi-bin/view_article.cgi?articleID=1378 (дата обращения: 05.10.2017).

⁶ По объемам грузоперевозок Китай является вторым, после США, пользователем Панамского канала, который обеспечивает быстрый доступ из Азии в Южную и Северную Америку.

Китая как источника импорта и как потенциального покупателя продуктов, особенно кофе, сахара и соевых бобов, делает нормализацию отношений с КНР все более необходимой.

То, как будут развиваться дальнейшие события в Центральной и Южной Америке, будет во многом определяться экономическими потребностями, учитывая нынешнее состояние глобального финансового кризиса, которое оказывает серьезное влияние как на Китай, так и на Тайвань. Хотя многие из оставшихся правительств будут неохотно прекращать свои отношения с Тайванем, они также будут искать у других стран информацию о том, как развиваются отношения между Тайванем и Китаем. Дипломатические обязательства должны расти, особенно в свете важности новых субъектов, таких как Россия, Индия и Иран. Можно ожидать дальнейших изменений, происходящих по многим направлениям и из-за множества причин, преимущественно экономических.

Литература

1. Матвеева Д.С., Рыжов И.В. Бразилия и Государство Израиль: история и современность в отношениях региональных лидеров // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2017. № 3 (27). С. 88–96.

Literatura

1. Matveeva D.S., Ry'zhov I.V. Braziliya i Gosudarstvo Izrail': istoriya i sovremennost' v otnosheniyakh regional'nyx liderov // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2017. № 3 (27). S. 88–96.

D.A. Tarasova

Latin America as the Arena of the Struggle between Taiwan and China

The article is devoted to the struggle between the People's Republic of China and the partially recognized Republic of China (Taiwan) for influence in Latin America, to diplomatic and economic aspects of this competition, as well as geostrategic prospects of further cooperation in these countries. Particular attention is given to the so-called «one-China policy» and its impact on the development of relations. In conclusion, the options for further developments in Central and South America are considered, including other possible candidates for severing relations with Taiwan.

Keywords: Latin America; China; Taiwan; geopolitics, struggle for influence.

В.М. Шнейдер

Особенности языковой политики на Украине: концепции и законодательное оформление

В статье представлены основные особенности языковой политики на Украине и ее законодательное оформление. Рассмотрена связь между существующей на Украине языковой средой и проводимой языковой политикой. Проанализированы основные языковые законы и инициативы, принятые руководством Украины. Различные стратегии языковой политики также рассматриваются на примере других стран постсоветского пространства — Латвии и Республики Беларусь.

Ключевые слова: Украина; языковая политика; украинское законодательство; языковые меньшинства.

Проведение эффективной языковой политики, гарантирующее соблюдение прав как представителей титульной нации, так и носителей языков меньшинств, может считаться одним из обязательных атрибутов успешных государств. При этом в моноэтнических государствах или государствах, в которых абсолютное большинство жителей свободно владеет государственным языком, языковая проблема не представляется актуальной. В то же время в многонациональных государствах поиск баланса, позволяющего учитывать интересы всех языковых групп, становится одной из важнейших задач.

Необходимо учитывать, что в советское время в большинстве национальных республик проводилась политика русификации, которая привела к повышению статуса и распространенности русского языка, однако существенно ослабила позиции местных языков. В связи с этим после обретения постсоветскими республиками независимости их руководство в первую очередь стремилось поддерживать местные языки, наделяя их статусом единственного государственного языка. Из постсоветских республик только в Беларуси существуют два государственных языка — русский язык получил этот статус в 1995 году по результатам референдума. Официальный статус русский язык получил в Казахстане и Киргизии. Учитывая, что русскоязычное население составляло значительную долю среди жителей Украины, обсуждение языкового вопроса в этой стране долгое время сводилось, прежде всего, к дискуссии вокруг статуса русского языка. В то же время на Украине существуют и районы компактного проживания других языковых меньшинств, к которым относятся этнические венгры, румыны и болгары.

К языковому вопросу в украинском политическом поле традиционно обращались накануне выборов. Так, кандидаты, рассчитывающие на поддержку украиноязычных центральных и западных регионов Украины, подчеркивали важность сохранения украинского языка в качестве единственного государственного. Напротив, политические силы, делавшие ставку на русскоязычный избирательный блок южных и восточных областей страны, поднимали вопрос о придании русскому языку государственного статуса. Однако подобные декларации не приводили к какому-либо изменению статуса языков. Более того, до 2012 года единственным официальным документом, формирующим государственную языковую политику, оставалась Конституция Украины. В Конституции статус единственного государственного языка закреплен за украинским языком, а русскому и языкам других национальных меньшинств «гарантируются свободное развитие, использование и защита»¹. Подобная формулировка не наделяла языки меньшинств отдельным статусом. Русский язык в данном контексте рассматривался как язык этнических русских, при этом большая группа русскоязычных украинцев фактически не учитывалась. В 2003 году Украина ратифицировала Региональную хартию европейских языков или языков меньшинств. К этим языкам, согласно Хартии, относятся языки, не имеющие официального статуса и традиционно использующиеся на определенной территории гражданами государства, составляющими меньшинство населения страны². Ратификация Хартии предусматривает выполнение государством обязательств по соблюдению языковых прав меньшинств в области образования, СМИ, культурной сфере, сфере услуг, а также при взаимодействии с местной администрацией и органами судебной власти³.

Положениями Хартии во многом руководствовались авторы закона «Об основах государственной языковой политики», который был принят Верховной радой Украины в 2012 году. Более того, этот закон определял регионы Украины, в которых язык национальных меньшинств («региональный язык») получал равный статус с украинским языком. Данный статус мог получить язык, который считали родным более 10 % населения региона (согласно данным Переписи населения 2001 года)⁴. Таким образом, статус регионального языка получили русский язык (в 13 регионах Украины), венгерский (в Закарпатской области), румынский (в Черновицкой области) и крымско-татарский (в АР Крым). В отличие от Конституции Украины, в которой русский язык рассматривался в качестве

¹ Конституція України // Закони України. [Электронный ресурс]. URL <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80/print1295768508121269> (дата обращения: 07.10.2017).

² Європейська хартія регіональних мов або мов меншин. Ч. 1 Ст. 1 // Законодавство України. [Электронный ресурс]. URL http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/994_014 (дата обращения: 02.11.2017).

³ Там же.

⁴ Закон «Про засади державної мовоної політики» // Закони України [Электронный ресурс]. URL <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/5029-VI> (дата обращения: 07.11.2017).

языка национального меньшинства, действие положения о региональных языках распространялось на всех русскоязычных жителей страны, в том числе и этнических украинцев. Необходимо отметить, что некоторые формулировки принятого языкового закона вступали друг с другом в противоречие. В частности, п. 2 ст. 6 указывает на то, что «украинский язык должен применяться на всей территории Украины при осуществлении полномочий законодательной, исполнительной и судебной власти», в то же время ст. 10 разрешает публиковать акты местных органов государственной власти на региональном языке⁵. В целом многие положения закона выглядели декларативными, поскольку закон не предусматривал четких механизмов реализации прав языковых меньшинств. После признания языка региональным в одной из областей Украины закон лишь закреплял ряд возможностей, но не обязанностей по его использованию⁶.

В то же время принятие закона вызвало негативную реакцию среди значительной части украиноязычного населения страны. По мнению противников языкового закона, русский язык не нуждался в дополнительной защите. Следует подчеркнуть, что на тот момент на Украине фактически существовала двуязычная языковая среда. На западе страны традиционно превалировал украинский язык, на юге и востоке — русский, в центральной части активно использовались оба языка. При этом в различных сферах жизни наблюдалась различная языковая ситуация. Русский язык традиционно преобладал в сфере печати. Так, по данным мониторинга СМИ, проведенного в 2011 году, на русском языке издавалось около 90 % журналов и более 65 % газет, а 87 % проданных книг также были изданы на русском языке⁷. В свою очередь, украинский язык доминировал в сфере образования: на украинском языке обучались 82 % школьников (при этом в АР Крым, Севастополе, Донецкой и Луганской областях большинство учащихся получало образование на русском языке)⁸. Отметим, что, по данным на 2016 год, эти тенденции сохранялись: в печатных СМИ по-прежнему был более распространен русский язык, а в среднем образовании преобладал украинский⁹. Таким образом, языковой закон не повлиял на степень распространенности языков в различных сферах жизни украинцев. Вряд ли следует говорить и о наличии существенной языковой проблемы на Украине. Согласно социологическим исследованиям, абсолютное большинство граждан страны владеют украинским языком хотя бы

⁵ Закон «Про засади державної мовної політики» // Закони України [Электронный ресурс]. URL <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/5029-VI> (дата обращения: 07.11.2017).

⁶ «Мовний закон»: чому обурені Будапешт, Бухарест і Варшава? // Громадське [Электронный ресурс]. URL <https://hromadske.ua/posts/movnyi-zakon-naskilky-obureni-budapesht-bukharest-tavarshava> (дата обращения: 09.11.2017).

⁷ Українська мова домінує в середній освіті й кінопрокаті, російська — у медіа й сфері послуг [Электронный ресурс] // Простір свободи. URL: <http://dobrovol.org/article/214/> (дата обращения: 18.10.2017).

⁸ Там же.

⁹ Російська мова домінує у більшості сфер — дослідження [Электронный ресурс] // BBC Україна URL http://www.bbc.com/ukrainian/society/2016/11/161108_ukrainian_language_rl (дата обращения: 17.10.2017).

на бытовом уровне (91 % в 2006 году и 93,5 % в 2015 году)¹⁰. Более того, за годы независимости Украины неизвестно ни одного случая ущемления прав человека по языковому признаку, что позволяет говорить о том, что языковой вопрос является в первую очередь фактором, который пытаются использовать в своих интересах различные украинские политические силы.

Сразу после отстранения Виктора Януковича от власти, 23 февраля 2014 года, большинство депутатов проголосовало за отмену закона «Об основах государственной языковой политики». В условиях общественно-политической турбулентности столь поспешное и необдуманное решение привело к росту напряженности в обществе и способствовало развитию конфликта. По мнению Верховного комиссара по делам национальных меньшинств ОБСЕ, отмена закона стала одной из причин, которые привели к протестам в ряде регионов Украины¹¹. Несмотря на то что уже спустя пять дней и. о. президента Украины Александр Турчинов ветировал отмену языкового закона¹², ситуация в некоторых южных и восточных регионах страны существенно обострилась и начала выходить из-под контроля центральной власти. Тем не менее законодательное оформление языковой политики на Украине до 2017 года не претерпевало существенных изменений, а основными законами, регулирующими ее применение, оставались Конституция и языковой закон 2012 года. В 2017 году на Украине начала складываться тенденция к изменению языкового законодательства в сторону расширения сфер, в которых употребление украинского языка считается обязательным. Так, в проекте закона «Про государственный язык», который был подготовлен в начале 2017 года, указана необходимость использования украинского языка в органах самоуправления, судах, сферах медицины и образования¹³. Изменения уже коснулись сферы телерадиовещания: начиная с 2016 года музыкальные радиостанции обязали транслировать в течение дня не менее 25 % песен на украинском языке¹⁴. А в 2017 году в первом чтении был поддержан законопроект, определяющий долю украиноязычных программ на телевидении: не менее 75 % для телеканалов национальной категории и не менее 50 % — региональной¹⁵.

¹⁰ Ідентичність громадян України в нових умовах: стан, тенденції, регіональні особливості. [Электронный ресурс] // Центр Разумкова. С. 35. URL: <http://www.razumkov.org.ua/upload/Identi-2016.pdf> (дата обращения: 17.10.2017).

¹¹ Положение в области прав человека и прав национальных меньшинств. [Электронный ресурс] // ОБСЕ. С. 103. URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/122194?download=true> (дата обращения: 14.10.2017).

¹² Турчинов ветує рішення ВР про скасування закону про мови [Электронный ресурс] // Українська правда. URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2014/02/28/7016703/> (дата обращения: 17.10.2017).

¹³ Проект закону про державну мову [Электронный ресурс] // Верховна Рада України. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=60953 (дата обращения: 18.10.2017).

¹⁴ Набув чинності закон про квоти для пісень на радіо [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. URL: <http://ua.korrespondent.net/ukraine/3769430-nabuv-chymnosti-zakon-pro-kvoty-dlia-pis'en-na-radio> (дата обращения: 08.11.2017).

¹⁵ Рада попередньо прийняла закон про 75% української мови на ТБ [Электронный ресурс] // Еспресо.TV. URL: http://espresso.tv/news/2017/03/16/rada_poperedno_pryynyala_zakon_pro_75_ukrayinskoyi_movy_na_tb (дата обращения: 08.11.2017).

Наиболее резонансным стало принятие нового закона «Об образовании», в седьмой статье которого были прописаны положения, касающиеся использования языков в данной сфере. Согласно закону языком образовательного процесса является государственный язык. Закон гарантирует право национальных меньшинств на изучение родного языка, однако возможность изучения на родном языке других предметов сохраняется только на начальной ступени образования — в средней школе все предметы начиная с 2018 года будет необходимо изучать на украинском языке¹⁶. В то же время представители коренных народов Украины получают право на обучение на родном языке и в средней школе. При этом закон, который определял бы, какие народы считаются коренными, до сих пор не принят. Единственный народ, официально получивший решением Верховной рады статус коренного народа Украины — крымские татары¹⁷, большая часть которых сегодня проживает на территории, неподконтрольной Украине. Представители других народов Украины (русские, венгры, румыны, болгары, поляки) теряют право на получение образования на родном языке в средней школе. Наиболее резкой стала реакция Венгрии, руководство которой настаивает на пересмотре седьмой статьи закона, пообещав в противном случае блокировать любое дальнейшее сближение Украины с Евросоюзом¹⁸. Президент Румынии, в свою очередь, выразил разочарование принятым законом и отменил запланированный визит на Украину. Учитывая подобную реакцию некоторых членов ЕС, ПАСЕ подготовила проект резолюции по украинскому закону «Об образовании». В резолюции подчеркивается, что новый закон влечет за собой серьезное нарушение прав национальных меньшинств Украины, в связи с чем ПАСЕ рекомендует пересмотреть соответствующий пункт седьмой статьи закона¹⁹. После принятия данной резолюции риторика украинских властей несколько изменилась: в частности, министр образования Украины Лилия Гриневич отметила, что основной задачей закона является помочь представителям национальных меньшинств в освоении украинского языка, что закон не запрещает преподавание на родных языках меньшинств, а лишь предполагает увеличение доли предметов, которые будут изучаться

¹⁶ Закон «Про освіту» [Электронный ресурс] // Закони України. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2145-19> (дата обращения: 09.11.2017).

¹⁷ Постанова «Про Заяву Верховнї Ради України щодо гарантії прав кримськотатарського народа у складі Української держави» [Электронный ресурс] // Закони України. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1140-18> (дата обращения: 09.11.2017).

¹⁸ Венгрия будет блокировать сближение Украины с ЕС из-за закона об образовании [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/world/580605> (дата обращения: 09.11.2017).

¹⁹ The Ukrainian law on education: the major impediment to the teaching of national minorities' mother tongues [Электронный ресурс] // Parliamentary Assembly. URL: <http://semantic-pace.net/tools/pdf.aspx?doc=aHR0cDovL2Fzc2VtYmx5LmNvZS5pbnQvbncveG1sL1hSZWYvWDJlURXLWV4dHIuYXNwP2ZpbGPvZD0yNDEyNSZsYW5nPUVO&xsl=aHR0cDovL3NlbWFudGljcGFjZS5uZXQvWHNsdC9QZGYvWFJlZi1XRC1BVC1YTUwyUERGLnhzbA==&xslparams=ZmlsZWlkPTI0MTI1> (дата обращения: 19.11.2017).

на государственном языке²⁰. Таким образом, украинское руководство смягчило свою позицию относительно сокращения доли преподавания на родных языках в средней и старшей школе. Несмотря на это, процесс украинизации публичной сферы, скорее всего, будет продолжаться. Представляется очевидным, что курс, взятый украинским руководством в языковой политике, подразумевает последовательное увеличение доли украинского языка в образовании, средствах массовой информации, в административных органах. Данная тенденция напрямую связана и с кризисом в отношениях между Украиной и Россией, который привел к существенному сужению сферы использования русского языка в ряде западных и центральных регионов Украины. Так, в городе Хмельницкий не осталось ни одной школы с изучением русского языка (в том числе и в качестве второго иностранного языка)²¹. Инициатором данного шага выступил мэр города, член националистической партии «Свобода», называющий русский язык «языком оккупанта»²². Скорее всего, тенденция, заключающаяся в придании русскому языку маргинального статуса, может распространиться и на другие регионы Украины.

Пример с запретом на изучение русского языка в школах Хмельницкого доказывает, что проведение языковой политики на Украине зачастую находится под прямым воздействием политических факторов, которые могут быть не связаны с реальной языковой ситуацией в стране. Русский язык по-прежнему распространен в значительной части регионов Украины, поэтому проведение в его отношении де-факто дискриминационной политики может привести к разобщению жителей Украины. В целом апелляция к этническому происхождению или языковой принадлежности индивида как главным факторам его идентичности может быть эффективной лишь в моннациональном и моноязыковом социуме. Однако особый исторический путь разных регионов Украины предопределил существование современного полигэтничного, многоязычного украинского государства, в котором основной формой идентичности может считаться гражданское самосознание, т. е. люди объединяются по принципу их принадлежности к одному государству. При проведении языковой политики руководство Украины традиционно было заинтересовано в решении нескольких основных задач. Так, необходимо было предложить концепцию, которая предусматривала бы как распространение украинского языка на всей территории страны, так и сохранение прав языковых меньшинств. Грамотная языковая политика также могла бы способствовать консолидации украинского общества.

²⁰ Лілія Гриневич: Є два фактори, які мають впливати на модель навчання для школярів з національних громад... [Электронный ресурс] // Міністерство освіти і науки України. URL: <http://mon.gov.ua/usi-novivni/novini/2017/11/21/liliya-grinevich-e-2-faktori,-yaki-mayut-vplivati-na-model-navchannya-dlya-shkolyariv/> (дата обращения: 19.11.2017).

²¹ Последний звонок: как из школ Хмельницкого исчез русский язык [Электронный ресурс] // BBC. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-42136292> (дата обращения: 30.11.2017).

²² Там же.

Отметим, что в других постсоветских государствах существуют различные подходы к проведению языковой политики. Так, языковая политика Латвии предусматривает доминирование латышского языка в публичной сфере. Владение латышским языком должностными лицами является обязательным, обращения от граждан в государственные органы принимаются только на латышском языке²³. Кроме того, в латвийском законодательстве не существует понятия «язык меньшинств»: все языки (кроме латышского и ливского), которые используются в Латвии, считаются иностранными²⁴. В связи с этим Латвия не присоединилась к Европейской хартии региональных языков и не обязуется предоставлять дополнительные права языковым меньшинствам, в том числе и на региональном уровне. Тем не менее активное обсуждение языковой проблемы в Латвии привело к проведению в 2012 году референдума, на котором 74,8 % граждан Латвии высказались против придания русскому языку государственного статуса²⁵. В то же время за проголосовало большинство жителей преимущественно русскоязычного региона Латгалия, однако это не привело к каким-либо изменениям статуса русского языка в данном регионе.

Из стран постсоветского пространства наиболее либеральную политику по отношению к русскому языку проводит Республика Беларусь. Русский язык получил государственный статус по результатам референдума 1995 года (за проголосовали 83,3 % граждан)²⁶. В белорусском законодательстве русский и белорусский языки обладают равными правами, что в итоге привело к преобладанию русского языка в абсолютном большинстве сфер жизни Беларуси. В условиях равного статуса двух языков белорусский язык оказался неспособен к полноценной конкуренции с русским языком, оставаясь распространенным прежде всего в сельской местности.

До недавнего времени языковая политика Украины представляла собой некоторый «промежуточный» вариант, при котором украинский язык сохранял статус единственного государственного языка, однако сфера применения русского языка оставалась достаточно широкой, особенно в южных и восточных регионах страны. Украинский язык традиционно преобладает в западных регионах страны и в сельской местности, а русский язык активно используется жителями южных и восточных областей Украины. В центральных областях Украины в быту употребляются оба языка, кроме того, в устной речи распространен так называемый суржик, представляющий собой смешение русской и украинской

²³ Cilevics B. Language Legislation in the Baltic states (article) [Электронный ресурс] // Democracy and Human Rights in Multicultural Societies. UNESCO Publishing/Ashgate, 2007. URL: http://cilevics.eu/NGO_Research/publications/2007_02.pdf (дата обращения: 18.10.2017).

²⁴ Там же.

²⁵ 2012. gada 18. februāra tautas nobalsošana par likumprojekta «Grozījumi Latvijas Republikas Satversmē» pieņemšanu Rezultāti [Электронный ресурс] // CVK. URL: <http://www.tn2012.cvk.lv/> (дата обращения: 05.12.2017).

²⁶ Республиканский Референдум 14 мая 1995 года [Электронный ресурс] // ЦИК РБ. URL: <https://web.archive.org/web/20110720220048/http://www.rec.gov.by/refer/ref1995resdoc.html> (дата обращения: 02.12.2017).

лексики на основе украинской грамматики. Согласно статистическим данным, приведенным Институтом социологии НАН Украины, в 2014 году украинский язык назвали родным 68,5 % жителей страны, русский язык — 30,1 %²⁷. В семье 43 % украинцев в основном используют украинский язык, 31 % — русский, 24 % — оба языка²⁸, что также свидетельствует о двуязычной среде в Украине. Статус украинского языка как единственного государственного в настоящий момент не подвергается сомнению со стороны большинства жителей Украины. Так, в 2015 году лишь 14 % украинцев выступали за предоставление русскому языку государственного статуса, еще 24 % полагали, что русский язык должен иметь официальный статус в отдельных регионах Украины²⁹. Абсолютное большинство жителей Украины (93,5 %) владеют украинским языком хотя бы на бытовом уровне³⁰, чему способствует в том числе близость русского и украинского языков. Таким образом, особенности языковой среды на Украине позволяют проводить взвешенную языковую политику, сочетающую поддержку украинского языка и в то же время не препятствующую его гармоничному сосуществованию с другими языками, в том числе русским.

Отметим, что официально на Украине по-прежнему действует закон 2012 года «Об основах государственной языковой политики», который предусматривает предоставление языкам меньшинств официального статуса в ряде регионов Украины. Однако последние решения, принятые руководством Украины в языковой сфере (введение квот в СМИ, тотальная украинизация средней и старшей школы), свидетельствуют о попытке придания украинскому языку доминирующего статуса во всех сферах жизни и на территории всей страны. Этот курс уже вызывает недовольство как у языковых меньшинств Украины, так и у представителей ряда соседних государств (Венгрия, Румыния, Россия). Представляется, что проведение языковой политики, направленной на максимальное сужение сферы использования русского языка и других языков, не имеющих на Украине государственного статуса, не может способствовать консолидации украинского общества. Существующая в стране языковая среда предусматривает проведение взвешенной языковой политики, при которой будут соблюдаться как права носителей государственного языка, так и права языковых меньшинств.

²⁷ Прибиткова І. Україна в регіонально-громадянському та національно-мовному вимірі за доби змін [Электронный ресурс] // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. Том 1. — Інститут соціології НАН України. С. 206. URL: http://i-soc.com.ua/files/m/monitoring_2014.pdf (дата обращения: 19.11.2017).

²⁸ Там же.

²⁹ Ідентичність громадян України в нових умовах: стан, тенденції, регіональні особливості [Электронный ресурс] // Центр Разумкова. С. 35. URL: <http://www.razumkov.org.ua/upload/Identi-2016.pdf> (дата обращения: 17.10.2017).

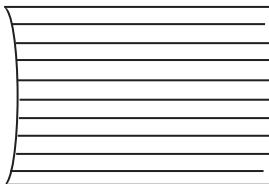
³⁰ Там же.

V.M. Schneider

Features of the Language Policy in Ukraine: Concepts and Legislation

The article studied the main features of language policy in Ukraine and legislation concerned with it. Author considered the connection between language policy and language environment in Ukraine. The main laws and initiatives of Ukrainian leadership were analyzed. Also author considered different strategies of language policy, based on examples of other post-Soviet countries: Latvia and Belarus. The author identified the main trends of language policy in Ukraine at this stage and came to certain conclusions.

Keywords: Ukraine; language policy; Ukrainian legislation; linguistic minorities.

Критика. Рецензии. Публицистика. Обзоры

**С.А. Коваленко,
Г.Ф. Ткач,
В.М. Филиппов**

Эволюция международных механизмов признания квалификаций: от региональных конвенций — к глобальной

В статье рассматривается история развития многосторонних механизмов признания квалификаций. На протяжении 50-летнего периода происходили определенные изменения как самой концепции признания, так и механизмов его практического осуществления. Приводится обзор эволюции международных соглашений (конвенций), разрабатывавшихся двумя авторитетными международными организациями — ЮНЕСКО и Советом Европы. Выполнен сопоставительный анализ предпосылок, назначения и содержательных принципов Лиссабонской конвенции 1997 года и разрабатываемой в настоящее время Глобальной конвенции о признании квалификаций высшего образования.

Ключевые слова: эквивалентность; признание; академическая мобильность; образовательное сотрудничество; ЮНЕСКО; Совет Европы; конвенции о признании; Лиссабонская конвенция; Глобальная конвенция.

В первые на высоком международном уровне проблема, касающаяся признания квалификаций высшего образования, была обозначена на второй сессии Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в 1947 году. В ходе утверждения программы развития высшего образования на данном мероприятии получила одобрение резолюция в поддержку программы «Взаимодействие с университетами», которая ставила перед собой ряд задач, в том числе «решение проблемы эквивалентности учёных степеней»¹.

¹ Draft Preliminary Report Concerning the Preparation of a Global Convention on the Recognition of Higher Education Qualifications №ED/2015/PLS/HED/02 // UNESCO. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002347/234743E.pdf> (дата обращения: 28.10.2017).

Вследствие непрерывного расширения масштабов международной академической мобильности во второй половине XX века и в связи с увеличением разнообразия видов документов об образовании задача по «установлению эквивалентности» академических квалификаций становилась все более трудноосуществимой. Было очевидно, что никакой документ об образовании не может быть однозначно эквивалентен какому-либо подобному иностранному диплому — направления подготовки и специальности, по которым было получено высшее образование в одной стране, часто отсутствуют в другой.

Впервые термин «признание» был официально использован в Европейской конвенции об академическом признании университетских квалификаций, подписанной Советом Европы в 1959 году². Однако потребовалось еще несколько десятилетий, чтобы это изменение окончательно утвердилось в практике признания. Так, созданные в странах Западной Европы в 1976 году по решению Совета Европы национальные информационные центры еще имели полное официальное название «Национальные информационные центры по эквивалентности», и даже принятая в 1990 году последняя из конвенций Совета Европы — Европейская конвенция об общей эквивалентности периодов обучения в университетах — основывалась, как это видно из ее названия, на понятии эквивалентности. Однако уже в первой из шести региональных конвенций, принятых ЮНЕСКО, — Региональной конвенции о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах Латинской Америки и Карибского бассейна 1974 года, — как и во всех последующих конвенциях ЮНЕСКО, ведущим принципом стало понятие признания³.

Таким образом, на протяжении длительного времени в практике академической мобильности отсутствовала единая общепринятая содержательно-смысловая интерпретация правовой процедуры, оценивающей возможность доступа обладателя иностранного документа об образовании к продолжению образования в другой стране (установление эквивалентности, или осуществление признания). Только в 1990-е годы в связи с разработкой и принятием Лиссабонской конвенции понятие «признание» практически полностью вытеснило понятие «эквивалентность» из большинства официальных международных документов, за исключением тех правовых актов, которые были приняты ранее.

За 70-летнюю историю проблема признания квалификаций, подходы и механизмы ее решения, как и само понятие признания, существенно эволюционировали наряду с изменением масштабов и форм международной

² Европейская конвенция об академическом признании университетских квалификаций // Совет Европы. URL: http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/conventions/Eur_Conv_Acad_Recog_Univer_Qualif (дата обращения: 16.10.2017).

³ ЮНЕСКО [сайт]. URL: <http://www.unesco.ru/ru/?module=news&action=theme&id=93> (дата обращения: 12.09.2017).

академической мобильности и международного образовательного сотрудничества в целом. Основной вклад в характер и направленность этих изменений внесли ЮНЕСКО и Совет Европы — две влиятельные международные организации, на протяжении всей истории своего существования предметно занимающиеся проблемами развития образования.

Со времени принятия первых региональных конвенций о признании сферы высшего образования в Европе и в мире в целом кардинально изменилась. В первую очередь изменения проявились в диверсификации высшего образования, назначения и типов высших учебных заведений. Соответственно расширилась номенклатура квалификаций, присваиваемых вузами по окончании обучения.

Между тем корректировки в нормативно-правовые документы по вопросам признания, в том числе и в действующие конвенции, не были внесены. Развитие высшего образования в Европе, а также присоединение к перечисленным конвенциям ряда новых стран вызывало дополнительные трудности в их применении. В 1988 году 19 европейских государств были участниками одной или нескольких конвенций Совета Европы по признанию, 26 стран (включая Австралию) — Европейской конвенции ЮНЕСКО. К 1995 году число стран, присоединившихся к Европейской культурной конвенции СЕ, возросло до 38. Вследствие распада Советского Союза число стран, которые, согласно критериям ЮНЕСКО, относятся к Европейскому региону, увеличилось до 54. Можно с уверенностью заключить, что произошедшие в первой половине 1990-х годов глубокие политические изменения значительно расширили разнообразие структур, уровней и квалификаций высшего образования в Европе и что это разнообразие создало дополнительные проблемы на пути практического осуществления имевшихся в то время конвенций по признанию.

Важным побудительным стимулом для пересмотра действовавших в регионе конвенций стал резкий подъем в 1990-е годы международного образовательного сотрудничества в Европе и расширение масштаба обменов в высшем образовании.

Усиливающаяся диверсификация высшего образования, все более расширяющиеся масштабы образовательного сотрудничества и международной академической мобильности делали актуальной задачу создания адекватного новым вызовам механизма решения вопросов признания иностранных академических квалификаций.

11 апреля 1997 года в Лиссабоне состоялась дипломатическая конференция стран — членов Совета Европы и ЮНЕСКО (кроме 45 государств Европы в ней участвовали также США, Канада, Израиль, Австралия), на которой представители 27 стран из 49 присутствовавших подписали Конвенцию о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе. Это событие обозначило переход к разработке и введению в действие

нового (второго) поколения конвенций с учетом накопленного опыта государств этого региона.

Нельзя было ожидать, что подписание и даже ратификация совместной конвенции большинством стран Европы решит автоматически все проблемы признания дипломов в таком обширном и неоднородном регионе, включающем, кроме всех европейских стран, также США, Канаду, Израиль, Австралию. В целях реализации конвенции участвующие в ней страны должны были создать национальные информационные центры, которые, во-первых, по запросу вузов и организаций своих стран должны были быть способны давать информацию о любых вузах других стран (участниц Конвенции), о направлениях подготовки и специальностях и уровне дипломов. Во-вторых, эти центры должны были также быть способны давать информацию по запросам зарубежных партнеров о всех программах подготовки специалистов в вузах своей страны.

По своему назначению и содержанию подписанный в Лиссабоне правовой акт полностью соответствует современным требованиям и реалиям международного образовательного сотрудничества. Это во всех смыслах самодостаточный документ, для применения которого не нужны никакие дополнительные акты. Немаловажное значение, особенно для нашей страны, имеет тот факт, что документ разрабатывался при участии российских представителей, а соответственно, и с учетом ее интересов.

Лиссабонская конвенция играла и продолжает играть ведущую роль в Болонском процессе — крупнейшей общерегиональной реформе высшего образования в Европе. В настоящее время Лиссабонская конвенция 1997 года является фактически основным нормативно-правовым документом, применяемым в рамках Болонского процесса. По состоянию на 1 марта 2017 года Лиссабонская конвенция является базовым международным руководством по вопросам признания для 53 стран.

Таким образом, с 1954 по 1997 годы, т. е. в течение 43 лет, международные организации создавали современную концептуальную, методологическую и содержательную базу международного образовательного права по вопросам признания. В ее основе — ключевое понятие признания и принципы его осуществления, сформулированные в Лиссабонской конвенции. Все эти годы шла работа над осмыслением и уточнением этого понятия, чтобы прийти к той формулировке, которая принята большинством стран. Приведенное в статье 107 Федерального Закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определение термина «признание» полностью соответствует определению соответствующего термина в Лиссабонской конвенции [1: с. 164].

Вслед за европейскими конвенциями очередной региональной конвенцией, которая подверглась модернизации уже на современном этапе, превратившись в конвенцию второго поколения, стала Бангкокская конвенция ЮНЕСКО

1983 года (Региональная конвенция о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах Азии и Тихого океана).

В 2005 году государства Азиатско-Тихоокеанского региона пришли к заключению о необходимости разработки обновленного варианта конвенции, в которой были бы отражены все изменения, произошедшие к тому моменту в их системах образования. Кроме того, была поставлена задача обеспечения практических мер по повышению доступа к информации, обеспечению качества, а также внедрению новых инструментов признания. Представители стран АТР согласились с мнением о широком разнообразии систем образования, представленных в их регионе по сравнению с другими регионами, и, учитывая эти различия, выступили за пересмотр действующей региональной конвенции. В результате в ноябре 2011 года участники Международной конференции государств в Токио приняли обновленную региональную конвенцию, которая должна заменить Региональную конвенцию о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах Азии и Тихого океана 1983 года [2: с. 204]. Токийская конвенция 2011 года была подписана 11 странами, две из которых ее ратифицировали (для вступления в силу требуется не менее пяти ратификаций). Ее логическая структура и основные положения соответствуют Лиссабонской конвенции. В ней не содержится ни одного положения, которое противоречило бы последней.

На данный момент Токийская конвенция не получила, однако, широкого распространения, соответственно, массового присоединения к ней не наблюдается. Отчасти это может быть по причине того, что на сегодняшний день ряд неевропейских государств, таких как Австралия, Израиль, Казахстан, Киргизская Республика, Новая Зеландия и Таджикистан, уже официально заявили, что в своей практической деятельности по вопросам признания они ориентируются на текст Лиссабонской конвенции⁴.

В декабре 2014 года в результате совместных усилий ЮНЕСКО, Африканского союза и государств — членов Африканского региона на Международной конференции государств в Аддис-Абебе была пересмотрена и модернизирована Региональная конвенция о признании учебных курсов, свидетельств, дипломов, ученых степеней и других квалификационных документов о высшем образовании в государствах Африки, подписанная в 1981 году. Аддис-Абебскую конвенцию 2014 года подписали 17 стран, однако на настоящий момент она не может вступить в силу из-за отсутствия ратификации необходимым числом стран.

⁴ Совет Европы: [сайт] Convention on the Recognition of Qualifications concerning Higher Education in the European Region. [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/165/signatures?p_auth=dJiT1tgw (дата обращения: 08.11.2017).

В настоящее время заинтересованными странами проводится предварительная работа по подготовке к пересмотру Региональной конвенции о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах Латинской Америки и Карибского бассейна, подписанной в 1974 году, а также Конвенции о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в арабских и европейских государствах бассейна Средиземного моря, подписанной в Ницце в 1976 году.

Необходимость обновления существующих региональных конвенций обусловлена, прежде всего, региональными и глобальными тенденциями, проявляющимися в сфере высшего образования. Поэтому ЮНЕСКО продолжает занимать позицию, которая выражается в готовности оказывать всевозможную поддержку в процессах пересмотра остальных региональных конвенций о признании.

В настоящее время, однако, в отдельных регионах отсутствуют политические и материальные предпосылки, необходимые для введения в действие обновленных региональных конвенций, о чем свидетельствует замедление процесса вступления в силу подписанной в 2011 году Токийской конвенции. В связи с этим ЮНЕСКО посчитала целесообразным, не прекращая работу по обновлению действующих региональных конвенций, одновременно приступить к разработке единого международного правового акта (конвенции) в области признания.

Вновь создаваемой конвенции, которую ее инициаторы называют глобальной, предстоит стать объединяющей правовой основой решения проблем признания в общемировом масштабе в условиях новых тенденций развития высшего образования в отдельных странах и в мире. Современную ситуацию в области высшего образования, описывающую его динамику, можно обоснованно охарактеризовать словом «диверсификация». Масштабная диверсификация коснулась практически всех секторов высшего образования: от поставщиков образовательных услуг и форматов обучения до демографического состава учащихся и ориентации направлений подготовки. Главной причиной процесса диверсификации является массовизация высшего образования и эволюционирование технологий, обеспечивающих более широкий доступ к высшему образованию.

Одной из самых выраженных тенденций в области высшего образования за последние несколько десятилетий является непрерывный рост численности студентов высших учебных заведений во всем мире. Согласно прогнозу Института статистики ЮНЕСКО число студентов в третичном образовании в 2025 году составит 263 миллиона человек по сравнению со 196 миллионами в 2012 году. Если в 2000 году доля студентов составляла 2,38 % от общей численности населения в мире в возрасте от 15 до 79 лет, то в 2009 году это доля возросла до 3,38 %, а в 2020 ожидается ее увеличение до 4,77 %⁵.

⁵ Draft Preliminary Report Concerning the Preparation of a Global Convention on the Recognition of Higher Education Qualifications №ED/2015/PLS/HED/02 // UNESCO. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002347/234743E.pdf> (дата обращения: 28.10.2017).

Стремительно возрастающий спрос на высшее образование уже невозможно удовлетворить исключительно традиционными моделями предоставления образовательных услуг, вследствие чего быстро расширяется перечень новых технологий, преимущественно дистанционных, позволяющих предоставлять образовательные услуги все большему числу студентов. Появились источники с открытыми образовательными ресурсами (ООР), которые значительно упростили и расширили доступ к основной содержательной части различных программ высшего образования. Имеются в виду образовательные ресурсы, предоставляемые обычно в форме учебных программ высшего образования, находящихся в открытом доступе в сети Интернет. Одним из последних нововведений в области технологий предоставления услуг в высшем образовании явилось создание массовых открытых онлайн-курсов (МООК). От традиционных университетских программ они отличаются тем, что посредством интернет-технологий предоставляют открытый доступ к контенту для всех желающих. Основной характеристикой таких курсов является модульность и возможность доступа к обучающей программе неограниченного числа обучающихся.

Очевидно, что развитие и широкое распространение ООР, МООК и подобных механизмов получения высшего образования неизбежно выводит на новый уровень вопрос о необходимости решения проблем признания квалификаций, полученных в рамках новых форматов трансграничного образования. Следует постоянно иметь в виду, что применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) существенно затрагивает все аспекты высшего образования и далеко не в последнюю очередь механизмы и процедуры признания квалификаций.

В настоящее время фактически осуществлен предварительный организационный этап разработки Глобальной (общемировой) конвенции. Составлен и в 2015 году опубликован Предварительный доклад о подготовке Глобальной конвенции о признании квалификаций высшего образования, в котором в развернутой форме изложены предпосылки, цели, основные принципы, трудности реализации и организационно-административные вопросы разработки и введение в действие Конвенции. Образованы комиссии экспертов, в которые включены представители министерств образования ведущих европейских стран, включая РФ⁶. В марте 2016 года учрежден редакционный комитет в составе высококвалифицированных экспертов в области высшего образования и признания квалификаций из 23 стран мира, включая Российскую Федерацию. За истекший период редакционный совет подготовил и представил для рассмотрения на 39-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, состоявшейся в августе 2017 года, Доклад о ходе подготовки проекта глобальной

⁶ Доклад о ходе подготовки проекта Глобальной конвенции о признании квалификаций высшего образования № 202 EX/8 // ЮНЕСКО. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0025/002595/259598r.pdf>.

конвенции, в приложениях к которому представлены примерный график работ по принятию Конвенции⁷ и предварительный проект текста Конвенции⁸.

В настоящий момент было бы преждевременным пытаться сделать обоснованное заключение о достоинствах или недостатках опубликованного документа, поскольку представленный текст будет несомненно редактироваться и изменяться в ходе дальнейшей его проработки экспертным сообществом и представителями всех заинтересованных сторон. Тем не менее рассмотрение опубликованного (на английском и французском языках) фактически первичного варианта проекта Глобальной конвенции и его сопоставление с текстом Лиссабонской конвенции позволяет сделать несколько общих выводов.

Во-первых, в проекте Глобальной конвенции в формате пронумерованных перечней приведены однозначные формулировки целей Конвенции (10 целей) и основных принципов осуществления признания (7 принципов). При этом как в Лиссабонской, так и в проекте Глобальной конвенции их цели фактически уже прописаны в преамбулах в форме побудительных мотивов, которые должны восприниматься как констатация не вызывающих сомнения утверждений (например, «будучи убеждены в том, что справедливое признание квалификаций является ключевым элементом права на образование...» и т. д.). Однако в проекте Глобальной конвенции обозначению ее целей дополнительно посвящен специальный раздел, в котором, в отличие от преамбулы, формулировки целей представлены как декларативные требования (например, «продвигать и усиливать международное сотрудничество в области высшего образования» и т. д.). Что касается основных принципов, относящихся к оценке квалификаций, то как в Лиссабонской, так и в проекте Глобальной конвенции их обозначение присутствует в преамбулах обоих документов, а более конкретные описания — в разделах с соответствующим названием. При этом краткие формулировки принципов признания, приведенные в рассматриваемом проекте, имеют более прикладной характер. По-видимому, предлагаемый формат обоснования целей и принципов основывается на стремлении сделать более доступными для понимания и восприятия эти важнейшие категории разрабатываемого международного правового акта.

Во-вторых согласно проекту структура Глобальной конвенции существенно изменена по сравнению с Лиссабонской конвенцией: количество разделов вместо 11 сокращено до 6. Это сделано за счет объединения в одном —

⁷ Доклад о ходе подготовки проекта Глобальной конвенции о признании квалификаций высшего образования №202 EX/8, Annex I. Tentative timeline for the adoption of the Global Convention on the Recognition of Higher Education Qualifications // ЮНЕСКО. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0025/002530/253046e.pdf>.

⁸ Доклад о ходе подготовки проекта Глобальной конвенции о признании квалификаций высшего образования №202 EX/8, Annex II. UNESCO Global Convention on the Recognition of Higher Education Qualifications // ЮНЕСКО. URL: <https://en.unesco.org/themes/higher-education/recognition-qualifications/global-convention>.

четвертом разделе, названном «Обязательства сторон», также всех положений, непосредственно регламентирующих признание квалификаций различного назначения (наряду с положениями об информационном обеспечении признания, об общих правилах оценки квалификаций и об особых условиях приема на программы высшего образования). Как известно, в Лиссабонской конвенции этим разным по назначению видам признания посвящаются четыре самостоятельных раздела. Трудно сказать, насколько подобное редакционное совмещение чрезвычайно важных положений будет способствовать более эффективному использованию текста потенциальными пользователями в качестве рабочего документа. Кроме того, в одном разделе — пятом, — названном «Структуры по реализации Конвенции и сотрудничество», объединены все положения, регламентирующие организацию и полномочия органов различного уровня, пред назначенных осуществлять реализацию Конвенции и контроль за ее исполнением. Данное объединение представляется вполне оправданным.

В-третьих, в проекте Глобальной конвенции значительно увеличено количество ключевых терминов, предлагаемые определения которых приобретают в результате вступления в силу Конвенции статус международных нормативно-правовых норм (29 терминов вместо 14 в Лиссабонской конвенции). Среди этих вновь вводимых терминов выделяются группа терминов, обозначающих различные модели образования (формальное, неформальное и информальное), а также термины, вводимые в связи с повсеместным утверждением концепции образования на протяжении всей жизни. Вместо термина «период обучения», определение которому дано в тексте Лиссабонской конвенции, в глобальном проекте приведен термин «частичное обучение», в определении которого, в дополнение к знаниям и умениям как результатам обучения, введены компетенции. В связи с возрастающими требованиями к оценке качества образования и в соответствии с задачами развития международного образовательного сотрудничества в проекте Глобальной конвенции приводятся определения терминов «обеспечение качества», «рамка квалификаций» и термина «мобильность», определяемого как «перемещение личностей за пределы своей страны в целях образования, исследований, преподавания или работы»⁹. По мнению авторов статьи, представляется целесообразным включение в перечень ключевых терминов Конвенции также термина «трансграничное образование», а также терминов «иностранный студент» (foreign student), «международный студент» (international student) и «мобильный студент» (mobile student), которые в разных источниках, в частности в публикациях ЮНЕСКО и ОЭСР, не всегда определяются однозначным образом.

⁹ Доклад о ходе подготовки проекта Глобальной конвенции о признании квалификаций высшего образования №202 EX/8, Annex II. UNESCO Global Convention on the Recognition of Higher Education Qualifications // ЮНЕСКО. URL: <https://en.unesco.org/themes/higher-education/recognition-qualifications/global-convention>.

Согласно замыслам инициаторов создания Глобальной конвенции она должна вобрать в себя наработки предшествующих региональных конвенций первого и второго поколений и Рекомендации ЮНЕСКО 1993 года, согласовать их между собой и дополнить положениями, по возможности, сближающими решение вопросов признания с современными подходами к обеспечению качества высшего образования, в частности посредством использования рамок квалификаций. Амбициозная задача выполнения работ по подготовке к подписанию Глобальной конвенции в качестве единого для всех стран правового инструмента осуществления признания рассчитана на три года (2017–2019 гг.). Итоговый доклад и окончательный проект текста конвенции предполагается представить для утверждения на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО в ноябре 2019 года.

В настоящее время преждевременно делать прогнозы о том, будут ли соблюдаться сроки реализации принятой дорожной карты по разработке и введению в действие Конвенции. Однако сам факт выдвижения со стороны ЮНЕСКО инициативы по созданию Глобальной конвенции и активное начало работ по ее реализации свидетельствует о том, что мировое академическое сообщество, интересы которого наиболее полно отражает ЮНЕСКО, рассматривает институт признания как важнейший фактор международного образовательного и всего гуманитарного сотрудничества и стремится содействовать повышению его значимости и эффективности.

Литература

1. Коваленко С.А., Ткач Г.Ф. Модернизация правовой основы академического признания в Российской Федерации // Ежегодник российского образовательного законодательства. Т. 10. М.: Федеральный центр образовательного законодательства, 2016. С. 165–173.
2. Филиппов В.М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Сентябрь. Т. 15. № 3. С. 203–212.

Literatura

1. Kovalenko S.A., Tkach G.F. Modernizaciya pravovoij osnovy' akademicheskogo priznaniya v Rossijskoj Federacii // Ezhegodnik rossijskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva. T. 10. M.: Federal'nyj centr obrazovatel'nogo zakonodatel'stva, 2016. C. 165–173.
2. Filippov V.M. Internacionalizaciya vy'sshego obrazovaniya: osnovny'e tendencii, problemy i perspektivy // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodny'e otnosheniya. 2015. Sentyabr'. T. 15. № 3. S. 203–212.

*S.A. Kovalenko,
G.F. Tkach,
V.M. Filippov*

Evolution of International Mechanisms for the Mechanisms for the Recognition of Qualifications: from Regional Conventions to the Global One

The presented paper considers the history of the development of multilateral mechanisms for the recognition of qualifications. Over a 50-year period certain changes have taken place in the conception of the recognition of qualifications, as well as in the mechanisms for its practical implementation. The evolution of international agreements (conventions) developed by two authoritative international organizations — UNESCO and the Council of Europe is reviewed. These organizations have been engaged in regulating problems of recognition at the international level for many decades. The article provides comparative analysis of the prerequisites, designation and substantive principles of the Lisbon Convention of 1997 and the Global Convention on the Recognition of Higher Education Qualifications which is being currently developed.

Keywords: equivalence; recognition; academic mobility; educational cooperation; UNESCO; Council of Europe; conventions on recognition; Lisbon Convention; Global Convention.

Рецензия на книгу:
Артур Рембо. Путешествие в Абиссинию и Харар. М.: Изд-во книжного магазина «Циолковский», 2018. 152 с.

История географических открытий и научных исследований различных стран и материков знакомит нас с яркими личностями, чей жизненный путь являлся преодолением себя и жизненных обстоятельств. Многие из них навечно вписали свое имя в историю, их именами названы проливы и реки, далекие острова и архипелаги, другим, как известному французскому поэту и путешественнику Артюру Рембо, повезло значительно меньше, и его путешествия по Эфиопии и странам Африканского Рога остались практически неизвестны российскому читателю. Как это нередко бывает, известный поэт А. Рембо полностью заслонил собою путешественника, оставившего яркие описания одной из самых древних и загадочных стран Северо-Восточной Африки — Эфиопии, страны богатой и утонченной культуры. Его путевые заметки, письма и дневники, сделанные в Абиссинии, как тогда называлась страна, выдают в нем внимательного исследователя и наблюдателя, способного передать дух страны и ее народа во всем ее своеобразии. До недавнего времени единственным доступным изданием его дневников оставались вышедшие в свет уже после смерти поэта в Париже в 1928 году его воспоминания об африканском вояже на французском языке [3]. Этой теме также были посвящены немногочисленные исследования на французском языке, в числе которых особо следует отметить книгу Жана Мари Карре «Жизнь и приключения Артура Рембо».

Рецензируемая книга стала первым изданием дневников А. Рембо на русском языке и призвана восполнить существующие пробелы в его африканской эпопее. Выпущенные в свет книжным магазином «Циолковский» и снабженные научным предисловием Н. Стеблин-Каменского, дневники А. Рембо не просто жанр путевых заметок об экспедиции поэта — это история страны и населяющих ее племен, их быта и обычаяев. Как известно, экспедиция А. Рембо 1886–1887 гг. через французский торговый пункт Обок в Таджуру и далее Харар и Шоа была торговым предприятием и ее целью являлась доставка из Франции ружей и военной амуниции для правителя Шоа Менелика II, впоследствии ставшего эфиопским императором. Однако, как это нередко бывает, автор записок не ограничивается описанием выпавших на его долю

трудностей при организации экспедиции и знакомит своих читателей с политической обстановкой в регионе, уже через несколько десятилетий ставшего яблоком раздора между европейскими державами. В основу настоящего издания «Путешествия в Абиссинию и Харар» лег небольшой очерк А. Рембо о его поездке в Шоа через Харар, впервые изданный в виде письма в каирской франкоязычной газете «Египетский Босфор» в августе 1887 года.

Особенно следует отметить ту тщательность, с которой велась работа над рецензируемым изданием. Авторский коллектив, готовивший к изданию рукопись, включил в книгу крайне ценные письма А. Рембо, повествующие о подготовке его торгового предприятия, из которых мы узнаем немало фактов из биографии французского поэта, а также о многочисленных трудностях, с которыми ему предстояло столкнуться, прежде чем торговый караван вышел из Таджуры. А учитывая, что эти материалы раньше не публиковались на русском языке и тематически связаны с основным текстом повествования, они во многом дополняют и поясняют текст «Путешествия». Именно из них внимательный читатель узнает о постигших французского поэта и негоцианта злоключениях, о фактическом провале его торгового предприятия, лишениях и болезнях. В одном из них разочарованный в своем абиссинском вояже А. Рембо с горечью писал: «...видать остаток дней я промыкаюсь в нужде и страданиях, да так и буду тянуть лямку до гробовой доски» (с. 94). В этом смысле судьба А. Рембо удивительно похожа на судьбу великого российского поэта и путешественника по стране Н.С. Гумилева, также претерпевшего множество испытаний в своих путешествиях, спустя два десятилетия после французского поэта [2]. Однако если результатом экспедиций Н.С. Гумилева стало собрание обширных этнографических материалов и африканский цикл стихов, то А. Рембо, напротив, не испытывал подобного поэтического вдохновения, а его научные наблюдения в основном сводились к подробному описанию пройденного им маршрута. Во многом схожи и описания Харара, сделанные Н.С. Гумилевым в период его пребывания в стране. «Харар предстал перед путешественником как город, в котором сохранялись древние традиции и религиозные обряды, встречались разные народы и культуры...» [1: с. 201]. Побывав в Хараре задолго до российского поэта, А. Рембо также попал под очарование этого города. Однако его пребывание пришлось на период, когда город был захвачен армией Менелика II и, хотя избежал разграбления, переживал значительный упадок хозяйственной деятельности. Критиковал А. Рембо и методы управления городом, применявшимся эфиопской знатью.

Подробные сведения содержат путевые дневники поэта и о политической ситуации в регионе, положении европейских держав и их торговых интересах, особенностях политической истории отдельных эфиопских княжеств, еще не спаянных воедино железной рукой будущего императора Менелика II. С особой любовью поэт и негоциант пишет о землях царства Шоа, с превосходным климатом и плодородными почвами, населенные радушными христианами. В то же время А. Рембо описывает ужасающую нищету местных племен

и в отличие от русского путешественника А.К. Булатовича, склонного видеть эфиопского правителя Менелика II как своего рода просвещенного монарха, заботящегося о благе своей страны, не склонен выделять только положительные стороны этой личности. Он также пишет о завоевательной политике последнего в отношении окрестных племен и рисует образ правителя, стремящегося к личной власти и обретению военной мощи.

Письма и дневники А. Рембо содержат много ценной информации о малоизвестных странницах биографии автора, его отношениях с семьей и торговыми партнерами. Также не следует забывать, что А. Рембо был романтиком и одним из последних выдающихся исследователей Африки, а его имя прочно вошло в историю как благодаря его поэтическому таланту, так и его африканским путешествиям по землям, на которые практически не ступала нога европейца. Поэтому следует согласиться с автором предисловия Н. Стеблин-Каменским, отметившим: «Слава и литературное признание пришли к Артюру Рембо вскоре после его скоропостижной смерти, но даже и без них его проницательные и меткие наблюдения о политике и торговле на Африканском Роге сохранили бы память о нем среди исследователей региона» (с. 17).

Издание снабжено грамотными авторскими примечаниями, знакомящими читателя с культурной и политической историей региона, непростыми взаимоотношениями местных эфиопских властей с окрестными племенами и европейскими правительствами, что погружает читателя в исторический контекст эпохи.

Другим несомненным достоинством издания стало обилие фотографических материалов и приведенное в конце книги приложение, содержащее оттиски первого французского издания 1928 года, любезно предоставленные Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамерой), что дает возможность отечественному читателю сравнить русский перевод с оригиналом.

Отдельного упоминания заслуживает и предисловие, выполненное российским историком-эфиопистом Н. Стеблин-Каменским, знакомящее читателей с предысторией экспедиции и особенностями менталитета народов, проживающих на эфиопском нагорье. Со свойственной ему эрудицией, автор предисловия дает краткий очерк по истории Африканского Рога и пунктах экспедиции французского поэта А. Рембо, повествует о малоизвестных фактах из его биографии. Нельзя не согласиться и с выводом Н. Стеблин-Каменского о том, что многие реалии, описываемые А. Рембо, являются актуальными и сегодня. «Например, по сей день кофе и кожа являются ключевыми экспортными товарами Эфиопии, — пишет он, — а афары, которых Рембо, следуя арабской традиции, называет данакильцами, и сейчас активно вовлечены в торговые пути через афарскую котловину, только сейчас они не грабят караваны и не торгуют солью и рабами, а являются важными посредниками в нелегальной трудовой миграции из Эфиопии в страны Персидского залива» (с. 13).

Хорошо изданная, снабженная богатым иллюстративным материалом и грамотно составленными авторскими примечаниями и предисловием, книга будет интересна широкому кругу читателей. Она стала давно ожидаемым событием и в кругу профессиональных историков, занимающихся африканскими странами. Поэтому есть все основания надеяться, что данное издание будет благосклонно воспринято читательской аудиторией. Хотелось бы также увидеть публикацию издательством других источников по истории исследования африканского материка, не выходивших прежде на русском языке.

Literaturra

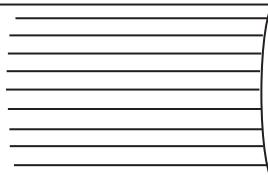
1. *Agureev S.A.* Дневники Н.С. Гумилева как исторический источник по Эфиопии // Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей по материалам международной научной конференции «XIV Виноградовские чтения» (Москва, 16–17 октября 2015). Т. 2: Методика обучения филологическим дисциплинам. Философия и история. М.: МГПУ, 2016. С. 198–205.
2. *Gumilev N.S.* Африканский дневник // Огонек. 1987. № 14–15.
3. *Arthur Rimbaud.* Voyage en Abissinie et au Harrar. Paris: La Centaine, 1928. 48 p.

Literatura

1. *Agureev S.A.* Dnevniiki N.S. Gumileva kak istoricheskij istochnik po E'fiopii // Tekst, kontekst, intertekst: sbornik nauchny'x statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «XIV Vinogradovskie chteniya» (Moskva, 16–17 oktyabrya 2015). T. 2: Metodika obucheniya filologicheskim disciplinam. Filosofiya i istoriya. M.: MGPU, 2016. S. 198–205.
2. *Gumilev N.S.* Afrikanskij dnevnik // Ogonek. 1987. № 14–15.
3. *Arthur Rimbaud.* Voyage en Abissinie et au Harrar. Paris: La Centaine, 1928. 48 p.

C.A. Agureev

**Авторы «Вестника МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2018, № 1 (29)**

Агуреев Станислав Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории МГПУ.

E-mail: stas.agureev@mail.ru

Ганжа Карина Юрьевна — аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

E-mail: ganzha.karina@mail.ru

Исаков Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории МГПУ.

E-mail: isakov-va@yandex.ru

Коваленко Сергей Александрович — директор Центра сравнительного и международного образования Российского университета дружбы народов.

E-mail: sergeirudn@gmail.com

Лещенко Дмитрий Николаевич — аспирант общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории МГПУ.

E-mail: 7213944@mail.ru

Михайловский Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории МГПУ.

E-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru

Сафонова Наталия Вячеславовна — аспирант Института востоковедения РАН.

E-mail: safonovanat@gmail.com

Тарасова Дария Александровна — аспирант кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: daria.tarasova@corp.mail.ru

Ткач Геннадий Федорович — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры сравнительной образовательной политики УНИСОП Российского университета дружбы народов.

E-mail: gftkach@yandex.ru

Филиппов Владимир Михайлович — доктор физико-математических наук, профессор, ректор Российского университета дружбы народов, академик РАО.

E-mail: rector@rudn.ru

Шнейдер Вадим Михайлович — аспирант кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ.

E-mail: vadiksh92@gmail.com

Юрев Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ.

E-mail: yurev1303@mail.ru

AUTHORS
of “Vestnik of Moscow City University”
a Series of “Historical Studies”, 2018, № 1 (29)

Agureev Stanislav Aleksandrovich — Ph.D. (History), docent, associate professor of the all-university department of World and Russian History, MCU.

E-mail: stas.agureev@mail.ru

Ganzha Karina Yurevna — a postgraduate student of Modern History and Methodology department, Moscow State Regional University (MSRU).

E-mail: ganzha.karina@mail.ru

Isakov Vladimir Alekseevich — Doctor of History, full professor, professor of the all-university department of World and Russian History, MCU.

E-mail: isakov-va@yandex.ru

Kovalenko Sergei Aleksandrovich — Director of the Center for Comparative and International Education of Peoples’ Friendship University of Russia.

E-mail: sergeirudn@gmail.com

Leshchenko Dmitriy Nikolaevich — a postgraduate student of the all-university department of World and Russian History, MCU.

E-mail: vidic.mpa@yandex.ru

Mikhailovsky Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, full professor, professor of the all-university department of World and Russian History, MCU.

E-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru

Safonova Natalija Vyacheslavovna — a postgraduate student, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences (RAS).

E-mail: safonovanat@gmail.com

Tarasova Daria Aleksandrovna — a postgraduate student of Politics and History of Russia department, N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University.

E-mail: daria.tarasova@corp.mail.ru

Tkach Gennadii Fyodorovich — Ph.D. (Physics and Mathematics), senior researcher, associate professor of Comparative Educational Policy department, UNISOP, Peoples’ Friendship University of Russia.

E-mail: gftkach@yandex.ru

Filippov Vladimir Mikhailovich — Doctor of Physical and Mathematical Sciences, full professor, rector of the Russian Peoples' Friendship University, academician of the Russian Academy of Education.

E-mail: rector@rudn.ru

Shneider Vadim Mikhailovich — a postgraduate student of Countries of the former Soviet Union department, Russian State University for Humanities (RSUH).

E-mail: vadiksh92@gmail.com

Yuryev Aleksandr Ivanovich — Doctor of History, professor, full professor of Modern History of Russia department, MPSU.

E-mail: yurev1303@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводятся фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpu.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Федору Александровичу Михайловскому* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета

Серия «Исторические науки»

2018, № 1 (29)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62499 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

И.Е. Полоса

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

А.С. Джанумов

Техническое редактирование и верстка:

Г.П. Васильева, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

Телефон: 8-499-181-50-36

E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 28.02.2018 г. Формат 70 × 108 1/16

Бумага офсетная

Объем 6,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.